Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Ф. Нильский

Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1874. № 6. С. 236-312.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

РѢЧЬ

по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрцевъ, сказанная профессоромъ И. О. Пильскимъ 20-го марта 1874 года въ засѣданіи с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Ваше Императорское Высочество!

Милостивые Государи!

Разбору моихъ возраженій, высказанныхъ мною въ засѣданіи 4-го декабря прошлаго года, г. Филиппов посвятилъ цѣлое засѣданіе 26-го февраля (1) и даже не разъ упомянулъ мое имя и въ засѣданіи 13-го марта. Не смотря однако-же на это, я намѣренъ отвѣчать ему сегодня весьма коротко. Это—потому, что въ своихъ объясненіяхъ противъ моихъ замѣчаній г. Филиппов не сказалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что мы слышали отъ него прежде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже буквально повторялъ то, о чемъ заявлялъ еще 28-го марта прошлаго года и на что я уже представилъ свои замѣчанія 4-го декабря того же года,—такъ, что, слушая Т. И. 26-го февраля, я не разъ серьезно задавалъ себѣ вопросъ: что

(1) Чтеніе г. Филиппова—въ засѣданіи Общества 26-го февраля напечатано въ 10—14 №№ «Гражданина» за настоящій годъ.

заставило г. Филиппова просить себѣ слова и притомъ—на два засѣданія, когда онъ не могъ представить въ защиту своего взгляда на смыслъ соборной клятвы 1667 года ни одного новаго доказательства и долженъ былъ повторять то, что́ вы слышали уже не разъ. Впрочемъ—виноватъ. 26-го февраля г. Филипповъ сообщилъ намъ и новость, заявивъ, что чина присоединенія раскольниковъ къ церкви, изданнаго, по повелѣнію Петра, въ 1720 году, съ которымъ имѣютъ тѣсную связь какъ извѣстное донесеніе златоустовскаго архимандрита Антонія Св. Синоду, такъ и отвѣтъ послѣдняго судьѣ приказа церковныхъ дѣлъ, и который поэтому въ ряду доказательствъ, приводимыхъ г. Филипповымъ, занимаетъ весьма важное мѣсто, онъ—г. Филипповъ не видалъ до самаго послѣдняго времени, считая его библіографическою рѣдкостью, и если приводилъ изъ него нѣкоторыя мѣста, то бралъ ихъ изъ моихъ статей. По моему мнѣнію, г. Филипповъ могъ-бы и не дѣлиться съ другими такою интересною новостью. Ни мало не подтверждая правильности взгляда его на значеніе соборной клятвы 1667 года, подобная,—во всякомъ, впрочемъ, случаѣ похвальная, откровенность г. Филиппова могла только возбудить въ васъ недовѣріе къ серьезному отношенію почтеннаго противника моего къ возбужденному имъ вопросу. Не мало новаго пришлось услышать мнѣ 26-го февраля и относительно книги «Жезлъ Правленія»; но о достоинствѣ этой новости я скажу послѣ, а теперь, переходя къ самымъ объясненіямъ г. Филиппова, прошу позволенія сдѣлать прежде самый краткій обзоръ хода моихъ преній съ почтеннымъ защитникомъ нуждъ единовѣрія,—съ тѣмъ, что·

бы, судя по итогу, можно было видѣть, что̀ заслуживаетъ дальнѣйшаго разъясненія и что̀, безъ вреда дѣлу, можетъ быть сдано въ архивъ.

Вамъ извѣстно, милостивые государи, что г. Филипповъ въ своемъ разсужденіи, читанномъ 18-го января прошлаго года, привелъ, по его собственнымъ словамъ, 12 доводовъ въ подтвержденіе той своей мысли, что соборная клятва 13-го мая 1667 года,—а въ этомъ, по сознанію г. Филиппова,—главный узелъ возбужденнаго имъ вопроса, — изречена была собственно на употребленіе, такъ называемыхъ, старыхъ книгъ и обрядовъ, независимо отъ отношенія чтителей этихъ книгъ и обрядовъ къ церкви православной и содержимымъ ею обрядамъ. Послѣ моихъ замѣчаній, высказанныхъ 25-го февраля прошлаго года, г. Филиппов 2 изъ 12-ти своихъ доводовъ, именно: ссылку на соловецкихъ раскольниковъ и на раскольниковъ, предводимыхъ Никитой Пустосвятомъ, и указаніе на опредѣленіе Св. Синода 1726 года, въ которомъ икона съ изображеніемъ нѣкоего молящагося двуперстно была названа кумиромъ, прямо признал «несостоятельными», и кромѣ того ни слова не сказалъ противъ моихъ замѣчаній о двухъ другихъ доводахъ, которыми онъ подтверждалъ свою мысль 18-го января, именно: о распоряженіяхъ Св. Синода, относящихся къ 1729 и 1737 годамъ. Позволяю себѣ смѣлость думать, что молчаніе г. Филиппова по поводу послѣднихъ двухъ доводовъ было также не случайное. Наконецъ 26-го февраля настоящаго года я ни слова не слышалъ отъ г. Филиппова ни о 212 вопросѣ и отвѣтѣ Пращицы Питирима, ни объ отвѣтѣ на 1-й пунктъ просьбы московскихъ старообрядцевъ митрополита

Платона, и кромѣ того г. Филиппов прямо заявилъ, что опредѣленіе собора 1666 года, на которомъ онъ «подробно останавливался» 18-го января и 28-го марта 1873 года, не можетъ служить «доказательствомъ наложенія клятвъ» на употребленіе старыхъ обрядовъ и упоминалось имъ только потому, что оно имѣетъ съ опредѣленіемъ 13-го мая тѣснѣйшую связь. Значитъ, высказанная мною въ рѣчи 4-го декабря надежда—доказать несостоятельность и остальныхъ доводовъ г. Филиппова, кромѣ двухъ, уже признанныхъ имъ неправильными 28-го марта, отчасти оправдалась, и я думаю, что если бы мои пренія съ почтеннымъ защитникомъ нуждъ единовѣрія продолжались еще нѣсколько времени,—надежда моя осуществилась бы вполнѣ. Впрочемъ въ настоящій разъ съ меня довольно и того, что изъ 12 доводовъ, съ которыми г. Филиппов выступилъ 18-го января 1873 года, семь онъ уже не нашелъ возможнымъ защищать отъ моихъ возраженій и ограничился (26 го февраля) только пятью, именно: текстомъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, чиномъ, изданнымъ въ 1720 году, двумя распоряженіями (1721 и 1722 г.) Св. Синода, по поводу донесеній архимандрита Антонія, и, должно быть, полемическими пріемами обличителей раскола—до Екатерины 2-й. Правда, счетъ мой въ этомъ случаѣ далеко не сходится со счетомъ г. Филиппова, который 26-го февраля утверждалъ предъ вами, что изъ 12 доводовъ только два онъ долженъ былъ послѣ моихъ объясненій признать несоотвѣтствующими той цѣли, для которой они были приведены; остальные же 10 доводовъ онъ по прежнему считаетъ твердыми и даже впослѣдствіи нашелъ возможнымъ «прибавить къ нимъ значительное число

новыхъ». Въ виду такого заявленія г. Филиппова, я могу только сказать, что почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія держится какого-то особеннаго счета—не того, какой употребляютъ всѣ другіе смертные, и что до тѣхъ поръ, пока г. Филипповъ не опровергнетъ моихъ возраженій противъ тѣхъ семи его доводовъ, о которыхъ я сказалъ выше и о которыхъ 26-го февраля онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ, я затрудняюсь признать счетъ его правильнымъ. Что же касается «новыхъ доводовъ», то «значительное число» ихъ ограничивается только соборомъ 1656 года, на которомъ, согласно прежде сдѣланному нѣкоторыми восточными архипастырями, бывшими въ Москвѣ, отзыву о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, произнесено было проклятіе на употребляющихъ двуперстіе, и ссылкою г. Филиппова на мнѣнія о клятвѣ собора 1667 года двухъ преосвященныхъ, — одного уже умершаго, а другаго здравствующаго и доселѣ. Если же вы припомните, что эти «новые доводы»—всѣ указаны были г. Филипповымъ еще 28-го марта прошлаго года и уже разобраны мною 4-го декабря того же года, то, надѣюсь, согласитесь со мною въ томъ, что 26-го февраля настоящаго года г. Филипповъ справедливо могъ назвать указанные доводы не новыми, а старыми, и даже могъ и не указывать ихъ.

Похвалившись обиліемъ матеріала, которое заставило почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія просить себѣ два засѣданія и вслѣдствіе котораго, вѣроятно, онъ долженъ былъ то повторять сказанное прежде, то приводить обширныя выдержки изъ разныхъ журнальныхъ статей, мало относящіяся къ дѣлу, г. Филипповъ въ слѣдъ за тѣмъ принесъ вамъ жалобу на то,

что «многія изъ его мнѣній были представлены вамъ не въ подлинномъ ихъ видѣ, а съ примѣсью посторонняго и вовсе несвойственнаго имъ смысла». И хотя жалоба высказана г. Филипповымъ безлично, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя выраженія защитника нуждъ единовѣрія заставляютъ меня принять ее и на мой счетъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ г. Филипповъ упрекалъ меня за то, будто бы я въ своей рѣчи 4-го декабря утверждалъ, что онъ—г. Филипповъ «измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе о значеніи опредѣленія 13-го мая 1667 года и изложилъ его въ такихъ, будто бы, выраженіяхъ, въ которыхъ нѣтъ уже ни слова о соборной клятвѣ на прежніе обряды и книги, а говорится только о безусловномъ и, будто бы, безклятвенномъ ихъ запрещеніи», и затѣмъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія доказывалъ сличеніемъ разныхъ мѣстъ своего чтенія 28-го марта, что утвержденіе мое «лишено всякаго основанія». Обращаюсь къ своей рѣчи, которая теперь уже напечатана, и нахожу въ ней слѣдующія слова: «чтобы успѣшнѣе защитить себя, онъ (г. Филипповъ) рѣшился *нѣсколько* измѣнить свой взглядъ на соборное опредѣленіе 1667 года, *или, по крайней мѣрѣ*, изложить его въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ нѣтъ ни слова о клятвѣ соборной [1], а говорится только о безусловномъ запрещеніи соборомъ 1667 года обрядовъ, дозволенныхъ нынѣ единовѣр-

---

[1] Высказывая эти слова, я имѣлъ въ виду показать г. Филиппову, что, замѣнивъ слова: «соборная клятва» словами: «соборная кара», онъ поставилъ вопросъ шире, чѣмъ слѣдуетъ, и сдѣлалъ это, вѣроятно, для того, чтобы въ числѣ 10 неопровергнутыхъ доводовъ помѣстить и опредѣленіе собора 1666 года, въ которомъ не было клятвы, а изречено было только «духовное наказаніе и тѣлесное озлобленіе», и отъ котораго г. Филипповъ 26-го февраля самъ отказался.

цамъ». Если сопоставить приведенныя слова съ тѣмъ мѣстомъ изъ чтенія г. Филиппова 28-го марта, которое я имѣлъ въ виду (1), и съ выраженіями, въ какихъ передалъ слова моей рѣчи г. Филипповъ 26-го февраля, то окажется, что не я, а почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія позволяетъ себѣ представлять вамъ мнѣнія своихъ противниковъ не въ подлинномъ ихъ видѣ, а съ примѣсью посторонняго и вовсе несвойственнаго имъ смысла (2).

(1) Сборн. протоколовъ, стр. 284.

(2) Не менѣе остроумно г. Филипповъ протолковалъ 26-го февраля и другое мѣсто моей рѣчи. Приведя слѣдующія слова изъ моей рѣчи: «чтобы обвинить меня въ противорѣчіи самому себѣ и показать неосновательность данныхъ, которыми я защищалъ свой взглядъ, онъ (г. Филипповъ) рѣшился приписать мнѣ мысль, которой я не высказывалъ не только въ рѣчи, сказанной мною въ засѣданіи 25-го февраля, но и ни въ одной изъ тѣхъ статей, которыя когда либо печаталъ по вопросу о клятвѣ собора 1667 года, именно: будто бы я утверждалъ предъ вами, что соборнымъ опредѣленіемъ 13-го мая 1667 года не было безусловно воспрещено употребленіе до-никоновскаго обряда и что всѣ тѣ, которые, не отлучаясь отъ церкви сами и не хуля ея святыни, желали бы только сохранить свободу въ употребленіи двуперстія и тому подобныхъ предметовъ, имѣли и послѣ собора 1667 года полную въ тому возможность;— между тѣмъ какъ я утверждалъ и доказывалъ только слѣдующую мысль: клятва наложена соборомъ на людей, изъ-за старыхъ обрядовъ отдѣляющихся отъ церкви и хулящихъ ее, и употребленіе этихъ обрядовъ само по себѣ—внѣ этой клятвы... Слѣдовательно, вопросъ состоитъ не въ томъ, было ли запрещено соборомъ 1666—7 г. употребленіе прежнихъ обрядовъ,—что такое запрещеніе было, этого никогда никто изъ православныхъ не отрицалъ,—а въ томъ, было ли запрещено употребленіе этихъ обрядовъ съ клятвою»,—г. Филипповъ начинаетъ выписывать разныя мѣста изъ постановленій собора 1667 года, въ которыхъ говорится, что противники его опредѣленію относительно старыхъ и новыхъ обрядовъ подлежатъ «клятвѣ сего собора, писанной въ соборномъ дѣяніи его», и тѣмъ даетъ понять, будто бы, ставя вопросъ: было ли запрещено употребленіе старыхъ обрядовъ съ клятвою, я хотѣлъ сказать, что 13-го мая 1667 года не было даже изречено соборомъ никакой клятвы по этому предмету; между тѣмъ какъ смыслъ моего вопроса точно опредѣленъ мною въ слѣдующихъ, непосредственно стоящихъ за словомъ — «съ клятвою» и по чему-то опущенныхъ г. Филипповымъ,

По принесеніи вамъ жалобы общей, безличной, г. Филипповъ обратился къ вамъ съ жалобою уже прямо на меня, заявивъ, что я несправедливо обвинялъ его предъ вами въ искаженіи и извращеніи тѣхъ историческихъ памятниковъ, на которые онъ ссылался при защитѣ своихъ положеній. Чтобы оправдать себя отъ такого обвиненія, г. Филипповъ, какъ вамъ извѣстно, взялъ на себя трудъ принести съ собою въ засѣданіе 26-го февраля книги и упросилъ двухъ достоуважаемыхъ сочленовъ нашихъ провѣрить по нимъ приводимыя имъ свидѣтельства. Напрасный трудъ! Чрезвычайная обстановка, при которой г. Филипповъ излагалъ свои «объясненія» 26-го февраля, не сняла съ него того об-

---

словахъ: «съ клятвою, т. е. другими словами: простиралась ли клятва собора собственно на содержаніе этихъ обрядовъ,—такъ, что ей подлежалъ и подлежитъ досѣлѣ всякій, кто крестится двуперстно и соблюдаетъ другіе, содержимые расколомъ обряды, хотя бы онъ находился въ общеніи съ церковію, напр. единовѣрцы,—что утверждалъ въ своемъ чтеніи г. Филипповъ,—*или*,—что утверждаю я, — эта клятва изречена была только на тѣхъ людей, которые, храня старый обрядъ, въ тоже время не только не хотѣли быть въ общеніи съ церковію, употребляющею новоисправленные обряды, но даже хулили ее за эти обряды, отвергали дѣйствительность ея таинствъ,—такъ, что всякій, кто держался этого обряда, не отдѣляясь отъ церкви, какъ неправославной, еретической, не подвергался этой клятвѣ, а только подлежалъ «духовному наказанію», т. е. наказанію не въ смыслѣ кары, а въ смыслѣ поученія и наставленія со стороны духовной власти—принять обрядъ новоисправленный, и уже только въ томъ случаѣ, если бы не послушался наставленія власти, онъ подвергался, по духу времени, и наказанію въ собственномъ смыслѣ, но опять ничуть не клятвѣ,—и притомъ подвергался «тѣлесному озлобленію» не за старый свой обрядъ, который, хотя и неправиленъ, но, какъ обрядъ, не вредитъ вѣрѣ, а за непослушаніе власти, отмѣнившей употребленіе этого обряда только потому, что «многіе невѣжди не точію отъ простыхъ, но и отъ освященныхъ» возвели его на степень священнаго и неприкосновеннаго догмата и сдѣлали его знаменіемъ вражды и противленія св. церкви, усвоившей себѣ другіе, исправленные обряды и вслѣдствіе этого сдѣлавшейся будто бы еретическою» (Христ. Чтен. 1874 г. янв., стр. 49—52).

виненія, отъ котораго онъ думалъ-было оправдать себя. Дѣло въ томъ, что г. Филипповъ принесъ въ засѣданіе не тѣ книги, которыя нужны были для указанной цѣли. Обвиняя почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія въ извращеніи и искаженіи историческихъ памятниковъ, я указывалъ, какъ вы припомните, на то, что г. Филипповъ а) сознательно—невѣрно передалъ взглядъ на значеніе соборной клятвы 1667 года митрополита Платона и церковной власти того времени (1), б) намѣренно—неполно изложилъ опредѣленіе собора 1666 года (2), в) утаилъ отъ васъ отвѣтъ нижегородскаго митрополита временъ патріарха Іоакима, данный архипастыремъ по поводу замѣчанія раскольниковъ о томъ, будто бы онъ—нижегородскій архіерей преслѣдовалъ раскольниковъ собственно за крестъ и молитву, и объясняющій суть дѣла (3), г) невѣрно изложилъ обстоятельства, при которыхъ происходили объясненія между раскольниками и патріархомъ Іоакимомъ, вызвавшія со стороны патріарха замѣчаніе о томъ, что церковная власть преслѣдовала раскольниковъ не за содержаніе ими старыхъ обрядовъ, а за хулы ихъ на церковь и обряды православія (4), д) мой выводъ объ отношеніи новгородскаго митрополита Питирима къ священникамъ, служившимъ по старымъ книгамъ, намѣренно приставилъ не къ тѣмъ распоряженіямъ архипастыря, на которыя я ссылался, а совершенно къ другимъ, о которыхъ я и не упоминалъ въ своей рѣчи (5). А между тѣмъ г. Фи-

(1) Хр. Чт. 1874 г. янв., стр. 45—47.
(2) Тамъ же, стр. 61—67.
(3) Тамъ же, март., стр. 341.
(4) Тамъ же, стр. 346—7.
(5) Тамъ же стр. 353—4.

липповъ въ засѣданіи 26 февраля не только не опровергъ этихъ обвиненій моихъ, но даже и не упомянулъ объ нихъ ни однимъ словомъ. Такимъ образомъ, книги, принесенныя г. Филипповымъ въ засѣданіе 26-го февраля, не оправдали его отъ моихъ обвиненій. Мало этого: онѣ послужили еще къ вящшему осужденію почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія. Я докажу сейчасъ, что даже въ засѣданіи 26-го февраля, когда, по желанію и просьбѣ г. Филиппова, «строго слѣдили за правильностію приводимыхъ имъ ссылокъ», онъ позволилъ себѣ искаженіе и извращеніе тѣхъ историческихъ памятниковъ, которые, по его словамъ, были допрошены въ вашемъ присутствіи (1). Хотя, такимъ образомъ, присутствіе книгъ въ засѣданіи, какъ доказалъ это г. Филипповъ, не можетъ еще предохранить ловкаго лектора отъ «неправильности, хитрости,

(1) Въ «Гражданинѣ» (№ 10, стр. 293), въ которомъ напечатано чтеніе г. Филиппова—въ засѣдании 26-го февраля, говорится отъ имени редакціи: «мы сами были на чтеніи этого отвѣта г. Филипповымъ въ «Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія». Чтобы не оставлять ничего неразъясненнымъ и никакихъ сомнѣній, авторъ, ссылаясь въ своемъ отвѣтѣ своимъ противникамъ на источники, изъ которыхъ извлекалъ цѣлыя цитаты, тутъ же, послѣ каждой ссылки, обращался къ двумъ членамъ «Общества любителей просвѣщенія» (гг. Осинину и Бычкову), и тѣ во время самаго чтенія, въ туже минуту, провѣряли, по лежавшимъ предъ ними книгамъ: правильно ли сдѣлана цитата, и заявляли о томъ во всеуслышаніе, благосклонно приявъ на себя этотъ трудъ. Такимъ образомъ никакая неправильность, никакая хитрость, или умышленная невѣрность въ ссылкахъ (столь свойственная, и даже весьма часто, самымъ серьезнымъ ученымъ въ обращеніи съ источниками и документами, для одержанія верху въ спорѣ) не могли произойти». Оказывается, что невозможное для редакціи «Гражданина» очень возможно для «уважаемаго сотрудника» ея! Это бы еще не бѣда; худо то, что г. Филипповъ, позволивъ себѣ искажать документы, которые «провѣряли» почтенные члены Общества, поставилъ въ неловкое положеніе не только себя, но и другихъ, и такимъ образомъ за любезную услугу заплатилъ неблагодарностію.

или умышленной невѣрности въ ссылкахъ»; тѣмъ не менѣе, по примѣру г. Филиппова, и я рѣшился «принести съ собою» въ настоящее засѣданіе нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій, на которыя намѣренъ ссылаться въ подтвержденіе правильности своего взгляда на занимающій насъ вопросъ и—невѣрности нѣкоторыхъ ссылокъ г. Филиппова.

Теперь перехожу къ разбору самыхъ «объясненій» г. Филиппова.

Защитникъ нуждъ единовѣрія прежде всего сдѣлалъ мнѣ упрекъ за то, что я «оба раза—какъ 25-го февраля, такъ и 4-го декабря 1873 года—на текстѣ соборнаго постановленія 13-го мая 1667 года, напечатанномъ въ V томѣ «Дополненій къ актамъ историческимъ», подъ цифрой V, на стр. 483 — 8, вовсе не останавливался и вопросъ о его значеніи рѣшалъ, мимо его, на основаніи другихъ историческихъ документовъ и данныхъ, которые хотя и имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нему, но замѣнить собою его собственное о самомъ себѣ свидѣтельство ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Такой неслыханный въ ученыхъ изысканіяхъ пріемъ—объяснять содержаніе историческаго памятника, вовсе не справляясь съ нимъ самимъ,—былъ бы, по замѣчанію г. Филиппова, недозволителенъ даже и тогда, если бы въ текстѣ изъясняемаго памятника дѣйствительно встрѣчались затруднительныя для уразумѣнія и обоюдныя по смыслу мѣста... Тѣмъ менѣе извинителенъ такой экзегетическій пріемъ въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о текстѣ совершенно точномъ и ясномъ».

Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ я прошу достоуважаемыхъ членовъ, предъ которыми лежатъ принесенныя

мною книги, отыскать 73-ю страницу оттиска моей рѣчи, произнесенной въ засѣданіи 4-го декабря прошлаго года, и провѣрить, находятся ли тамъ слѣдующія слова изъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, взятыя мною изъ V тома «Дополненій къ историческимъ актамъ» стр. 483—4: «нарицаху книги печатныя, новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнны, и чины церковныя, яже исправишася съ греческихъ и древнихъ россійскихъ книгъ, злословиша, имены хульными нарицаша ложно... зане во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины и таинства, и послѣдованія церковныя». А на страницѣ 66-й той же брошюры вы найдете свѣдѣнія, взятыя мною изъ V-го тома «Дополненій къ историческимъ актамъ», стр. 485. Какъ же послѣ этого понимать сдѣланный мнѣ г. Филипповымъ упрекъ въ томъ, будто бы на текстѣ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, напечатанномъ на 483—488 страницахъ V-го тома «Дополненій къ историческимъ актамъ», я «вовсе не останавливался и вопросъ о его значеніи рѣшалъ, мимо его, вовсе не справляясь съ нимъ самимъ?» Не знаю, что̀ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ самъ г. Филипповъ; я могу сказать только то, что, какъ видно изъ настоящаго примѣра, почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія не привыкъ дорожить своимъ словомъ и часто говоритъ то, чего не слѣдовало бы говорить, — если не изъ уваженія къ себѣ, такъ по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ Обществу, предъ которымъ онъ рѣшился защищать «свою ученую добросовѣстность».

Правда, ни 25-го февраля, ни 4-го декабря 1873 года,

я не читалъ предъ вами тѣхъ словъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, которыя, начинаясь въ концѣ 485 страницы V-го тома «Дополненій къ историческимъ актамъ», занимаютъ всю 486-го страницу и оканчиваются на половинѣ страницы 487, и которыя, по словамъ г. Филиппова, составляютъ «предметъ нашего обсужденія»; но это я сдѣлалъ не потому, чтобы боялся «встрѣчи» съ ними въ вашемъ присутствіи, а по причинѣ болѣе простой,—потому, что означенныя слова in extenso были прочитаны предъ вами г. Филипповымъ въ засѣданіи 18-го января прошлаго года (1), и затѣмъ содержаніе ихъ было повторено почтеннымъ защитникомъ нуждъ единовѣрія въ засѣданіи 28-го марта того же года (2). И хотя я вполнѣ вѣрю въ справедливость словъ святителя Димитрія Ростовскаго, что «устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческія отъемлется»; но такъ какъ чтенія г. Филиппова—18-го января и 28-го марта 1873 г. уже были напечатаны къ тому времени, когда мнѣ пришлось отвѣчать на его «объясненія», то, въ силу словъ того же архипастыря, что «написанное (а тѣмъ болѣе—напечатанное) незабвенно пребываетъ» (3), я и не считалъ себя вправѣ снова повторять вамъ то, что вы уже слышали, а можетъ быть, и читали, и даже не разъ, и призналъ за лучшее указать только причины, вызвавшія соборное постановленіе 13-го мая 1667 года, т. е. привести тѣ его слова, которыхъ г. Филипповъ по чему-то не читалъ въ вашемъ присутствіи ни 18-го января, ни 28-го марта, и безъ которыхъ не

(1) Сборн. проток. стр. 210—212.

(2) Тамъ же стр. 290.

(3) Розыск. л. 5 об.

можетъ быть правильно понято опредѣленіе собора 13-го мая 1667 года. Что же касается самаго текста этого опредѣленія, то въ рѣчи своей 4-го декабря я не только указалъ на то, что онъ приведенъ г. Филипповымъ въ первомъ его чтеніи (1), и тѣмъ освобождалъ себя отъ обязанности снова читать цѣлыя страницы «Дополненій къ актамъ историческимъ», но даже не разъ замѣчалъ и о томъ, что его *можно* понимать различно, слѣдовательно — и такъ, какъ понимаетъ его г. Филипповъ (2). Но такъ какъ рѣчь у насъ идетъ не о томъ, какъ можно, но о томъ, какъ должно понимать опредѣленіе собора 1667 года относительно ревнителей стараго обряда; то, не приводя текста, который предполагалъ извѣстнымъ вамъ, я обратилъ 4-го декабря ваше вниманіе на тѣ слова соборнаго постановленія, въ которыхъ опредѣлялось отношеніе къ церкви людей, надъ которыми соборъ долженъ былъ произнести свой судъ, и изъ которыхъ (словъ) ясно видно, что соборъ подвергъ анаѳемѣ ревнителей старыхъ книгъ и обрядовъ не за употребленіе ими этихъ книгъ и обрядовъ, а за враждебное и хульное отношеніе ихъ къ церкви и обрядамъ православія.

Понимая, что слова соборнаго постановленія 13-го мая 1667 года, опущенныя г. Филипповымъ въ чтеніяхъ 18 января и 28 марта и приведенныя мною 4-го декабря прошлаго года, не мирятся съ тѣмъ взглядомъ на разсматриваемый нами вопросъ, котораго держится почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, г. Филипповъ «предлагалъ вамъ» 26-го февраля настоящаго года «остановиться вмѣстѣ съ нимъ *исключительно* на томъ

(1) Хр. Чт. 1874 г. февр. стр. 169.

(2) Тамъ же, янв. стр. 69 и 71.

текстѣ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года», который былъ приведенъ имъ въ первомъ чтеніи 18-го января прошлаго года, «и, не сопоставляя его ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими опредѣленіями церковной власти, ни вообще съ какими бы то ни было данными, къ вопросу о клятвахъ собора 1667 года относящимися, извлечь всѣ истекающіе изъ него самаго выводы о его характерѣ и смыслѣ». Смыслъ этого предложенія понятенъ. Г. Филипповъ желаетъ, чтобы вы забыли (по крайней мѣрѣ, на время) тѣ слова соборнаго постановленія 13-го мая 1667 года, которыя приведены мною 4-го декабря и въ которыхъ изображается крайне враждебное и хульное отношеніе къ церкви ревнителей стараго обряда, что и заставило отцовъ собора изречь на нихъ проклятіе. Я долженъ сказать, что желаніе г. Филиппова незаконно. Приведенный имъ текстъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года находится въ такой тѣсной, неразрывной связи съ словами того же соборнаго постановленія, на которыя указывалъ я 4-го декабря и которыя г. Филипповъ называетъ почему-то только «объяснительнымъ вступленіемъ», какъ-бы не имѣющимъ никакого значенія для опредѣленія истиннаго смысла соборной клятвы, что не можетъ быть разсматриваемъ отдѣльно отъ нихъ — безъ опасенія впасть въ неизбѣжную ошибку. А что я говорю правду, это показываетъ самый текстъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года. «Къ симъ убо...», такъ начинается это опредѣленіе. Нѣтъ, кажется, нужды говорить, что достаточно двухъ этихъ словъ, чтобы видѣть, можно ли, при опредѣленіи истиннаго смысла соборной клятвы, останавливаться *исключительно* на текстѣ соборнаго опредѣле-

нія 13-го мая 1667 года, не сопоставляя его съ тою частію соборнаго постановленія, за которою слѣдуютъ эти слова и которую г. Филипповъ называетъ только «объяснительнымъ вступленіемъ». Тоже самое показываютъ и слѣдующія слова соборнаго опредѣленія: «чтобы просфоры печатали печатію креста четвероконечнаго, *якоже выше изобразися*». Изображеніе печати съ четвероконечнымъ крестомъ, которое заповѣдуютъ отцы собора, нѣтъ въ самомъ текстѣ соборнаго опредѣленія, а находится оно въ той его части, на которую г. Филипповъ рекомендуетъ вамъ не обращать вниманія.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи смысла соборной клятвы, останавливаться *исключительно* на текстѣ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, не сопоставляя его съ тѣми словами, которыя предшествуютъ ему и въ которыхъ изображается враждебно-хульное отношеніе къ церкви ревнителей стараго обряда, нельзя.

Но такъ какъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія 26-го февраля предлагалъ вамъ сдѣлать такой по истинѣ «неслыханный въ ученыхъ изысканіяхъ пріемъ»; то я рѣшаюсь исполнить желаніе г. Филиппова, чтобы показать вамъ, что и при томъ «критическомъ анализѣ», какому подвергъ текстъ соборнаго узаконенія 13-го мая 1667 года почтенный противникъ мой,—взглядъ его на смыслъ соборной клятвы оказывается неправильнымъ.

По словамъ г. Филиппова (и на этотъ разъ прошу позволенія не читать текста соборнаго опредѣленія, прочитаннаго г. Филипповымъ и 26-го февраля), соборное повелѣніе и завѣщаніе собора 1667 года со-

стояло въ слѣдующихъ *семи* пунктахъ: а) принимать новоисправленныя книги и по нимъ править все церковное Божіе славословіе; б) святый символъ глаголати безъ придога «истиннаго»; в) аллилуія въ учиненныхъ мѣстахъ, т. е. гдѣ она читается, или поется, съ присовокупленіемъ: «слава Тебѣ, Боже», — троить, а не сугубить; г) знаменіе честнаго креста изображать на себѣ тремя первыми перстами десной руки; д) Іисусову молитву въ церковномъ пѣніи и въ общемъ собраніи говорить такъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ (а не «Сыне Божій»), помилуй насъ» (а на единѣ, якоже кто хощетъ); е) просфоры печатать печатію четверокопечнаго креста; ж) въ архіерейскомъ и священническомъ благословеніи употреблять перстосложеніе именословное.

Хотя г. Филипповъ слово: *семь* повторилъ два раза и тѣмъ далъ понять, что онъ внимательно считалъ пункты соборнаго повелѣнія и завѣщанія; тѣмъ не менѣе я нахожусь вынужденнымъ еще разъ заявить предъ вами, что противникъ мой держится какого-то особеннаго, неизвѣстнаго мнѣ, способа считать. Прошу почтенныхъ членовъ отыскать 486 страницу V-го тома «Дополненій къ историческимъ актамъ» и повѣрить, находятся ли тамъ (въ концѣ 2-го столбца) слѣдующія слова: «по сему же и чинъ церковный и монастырскій и посты хранити по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцевъ, якоже восточная святая соборная и апостольская церковь содержитъ ко спасенію всѣмъ православнымъ христіанамъ». Надѣюсь, вы позволите мнѣ признать это требованіе собора отдѣльнымъ отъ указанныхъ выше семи и притомъ *восьмымъ* пунктомъ. Я не стану указывать вамъ

на то, что г. Филипповъ, увѣрявшій васъ, что «если укрывательство документовъ онъ судитъ строго въ другихъ, то тѣмъ менѣе можетъ позволить его себѣ», скрылъ отъ васъ этотъ восьмой пунктъ соборнаго повелѣнія и завѣщанія и тѣмъ *извратилъ* историческій документъ; я хочу обратить ваше вниманіе на то, что могло побудить почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія опустить приведенныя мною слова и тѣмъ дать мнѣ поводъ «снова обратить въ вопросъ его ученую добросовѣстность». Кажется, я не ошибусь, если скажу, что г. Филипповъ рѣшился на такой шагъ вслѣдствіе печальной необходимости. Дѣло въ томъ, что если понимать смыслъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года такъ, какъ понимаетъ его г. Филипповъ, т. е. что находящіяся въ немъ «клятвы налагались на всѣхъ будущихъ нарушителей закона—безъ степеней, безъ оттѣнковъ и безъ всякихъ въ каномъ бы то ни было смыслѣ оговорокъ», то придется допустить, что, напримѣръ, священникъ, опустившій нѣсколько положенныхъ по уставу чтеній при совершеніи всенощнаго богослуженія и сдѣлавшій это нарушеніе церковнаго чина единственно потому, что въ самомъ началѣ богослуженія получилъ приглашеніе къ опасно заболѣвшему прихожанину, подлежитъ проклятію собора 1667 года. Равнымъ образомъ и міряниnъ, позволившій себѣ, по совѣту доктора, выпить въ среду или пятницу стаканъ молока, подвергается анаѳемѣ того же собора. Вѣроятно, г. Филипповъ предвидѣлъ, что «буквальный смыслъ», въ какомъ онъ понимаетъ соборное опредѣленіе 13-го мая 1667 г., даетъ основаніе къ подобнымъ страннымъ заключеніямъ, и потому счелъ лучшимъ опустить самый

пунктъ соборнаго повелѣнія, который могъ бы дать поводъ къ такимъ заключеніямъ (1).

Кромѣ повелѣнія—хранить чинъ церковный и монастырскій и посты по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцевъ, составляющаго восьмой пунктъ соборнаго завѣщанія, я долженъ указать еще *девятый* пунктъ соборнаго повелѣнія, по которому всѣ, какъ духовные, такъ и міряне, обязывались «покорятися во всемъ безъ всякаго сумнѣнія и прекословія святѣй восточнѣй и апостольстѣй церкви Христовѣ». Правда, г. Филипповъ, при «критическомъ анализѣ» содержанія соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 г., не опустилъ этого повелѣнія собора; только по чему-то почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія обратилъ на него слишкомъ мало вниманія, не внесъ его въ число пунктовъ соборнаго завѣщанія, а назвалъ его «общимъ приглашеніемъ къ покорности святѣй восточнѣй церкви», какъ бы не имѣющимъ прямаго отношенія къ «единственному требованію собора: чтобы всѣ непремѣнно и исключительно употребляли новоисправленные обряды и книги». Между тѣмъ повелѣніе отцовъ собора, «дабы покорялися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви», на

(1) Между тѣмъ, разсматривая опредѣленіе собора 1667 года въ связи съ тою его частію, въ которой изображается отношеніе къ церкви ревнителей стараго обряда и гдѣ говорится, что многіе священники, увлекшіеся новоисправленными книгами, вознерадѣли о всякомъ церковномъ благочиніи, а міряне вслѣдствіе этого «отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія»..., а равно съ дѣяніями собора 1666 года, которыя были извѣстны отцамъ собора 1667 года,—не трудно понять, что имѣлъ въ виду соборъ 1667 года, заповѣдуя «чинъ церковный и монастырскій и посты хранити по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцевъ».

самомъ дѣлѣ составляетъ такой же самостоятельный пунктъ соборнаго завѣщанія, какъ и всѣ другіе, указанные г. Филипповымъ,—съ тою только особенностію, что это—пунктъ главный и, такъ сказать, основной, *исходный* для всѣхъ остальныхъ предписаній собора, и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя, желающаго узнать истинный смыслъ соборной клятвы 1667 года (1). Что же значитъ это требованіе собора? Что значатъ, въ частности, слова: безъ всякаго сумнѣнія и прекословія? Г. Филипповъ утверждаетъ, что подъ покорностію церкви, которой требовалъ соборъ, разумѣлось ничто иное, какъ принятіе новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ, безъ котораго «нельзя уже было соблюсти покорности собору». Но такъ понимать дѣло не позволяетъ то простое обстоятельство, что повелѣніе собора покориться церкви соединено съ требованіями — употреблять новоисправленныя книги и обряды—не словами: «то есть», какъ слѣдовало бы, если бы подъ покорностію церкви разумѣлось собственно принятіе новоисправленныхъ обрядовъ и книгъ, а простымъ союзомъ: *и*, который, какъ это всякому извѣстно, употребляется для соединенія мыслей не однозначащихъ, не тождественныхъ, но разныхъ по смыслу и содержанію: «дабы покорялися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви, и книги яже... исправишася... пріимати» (2).

(1) Что повелѣніе—всѣмъ во всемъ, безъ всякаго сумнѣнія и прекословія, повиноваться св. церкви—составляетъ пунктъ главный и основной,—показываетъ то, что онъ занимаетъ въ ряду предписаній собора *первое* мѣсто, и притомъ повторяется два раза.

(2) Притомъ, если подъ покорностію церкви разумѣлось собственно принятіе новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ, точно, опредѣленно

Еще труднѣе понять настоящій смыслъ словъ: «безъ всякаго сумнѣнія и прекословія», которыя находятся въ повелѣніи собора — во всемъ покоряться церкви. Сынамъ православной Руси предписывается покоряться церкви *безъ всякаго сомнѣнія и прекословія*! Чѣмъ заслужили русскіе люди второй половины XVII столѣтія такое обидное для нихъ замѣчаніе собора? Въ чемъ состояло ихъ сомнѣніе и прекословіе (1)? Эти вопросы должны остаться безъ отвѣта, если мы станемъ разсматривать, какъ дѣлаетъ это г. Филипповъ, только одинъ «точный и ясный», по его словамъ, текстъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, не сопоставляя его не только съ другими опредѣленіями церковной власти, но даже и съ тою его частію, которую г. Филипповъ называетъ «объяснительнымъ вступленіемъ». И наоборотъ: имѣя въ виду отношеніе къ церкви ревнителей стараго обряда, какъ оно изображено въ этой части текста, нетрудно понять, какихъ людей преслѣдовалъ соборъ своимъ грознымъ приговоромъ. Изрекая клятву, отцы собора имѣли въ виду тѣхъ ревнителей стараго обряда, которые, не желая принять обрядовъ новоисправленныхъ, въ тоже время сомнѣвались въ самомъ православіи церкви, усвоившей эти обряды, — и притомъ не только русской, но и греческой, по книгамъ которой исправлялись наши чины и обряды, и даже называли ее церковію

указанныхъ соборомъ, въ такомъ случаѣ слово: *во всемъ*, употребленное отцами собора, представляется не только лишнимъ, но даже безсмысленнымъ.

(1) Подъ «прекословіемъ» нельзя разумѣть одно употребленіе стараго обряда, — какъ это видно изъ толкованія патріарховъ Паисія и Макарія (Доп. къ акт. ист. V, стр. 503), гдѣ *непрекословящимъ* разрѣшалось употребленіе нѣкоторыхъ обрядовъ, запрещенныхъ соборомъ 1667 года.

еретическою, царствомъ антихриста, вслѣдствіе чего прервали всякое общеніе съ нею, и которые поэтому справедливо были признаны соборомъ не только раскольниками, но и еретиками. Г. Филипповъ не согласенъ съ такимъ взглядомъ на дѣло и утверждаетъ, что «постановленіе 13-го мая 1667 года не имѣло и не могло имѣть въ виду никакихъ опредѣленныхъ лицъ, виновныхъ въ его (?) нарушеніи—по той весьма простой причинѣ, что нельзя было нарушить законъ *прежде его изданія*». А развѣ г. Филипповъ забылъ, что еще прежде 13-го мая 1667 года, именно на соборѣ 1666 года, былъ изданъ законъ, которымъ, подъ угрозою «духовнаго наказанія и тѣлеснаго озлобленія», повелѣвалось всѣмъ членамъ русской церкви «покориться во всемъ безъ всякаго сомнѣнія святой восточной церкви» и принимать новоисправленныя книги и обряды (1)? Наказаніе, назначенное соборомъ 1666 года, оказалось недѣйствительнымъ; ревнители стараго обряда продолжали свое враждебно-хульное отношеніе къ церкви; и вотъ соборъ 1667 года рѣшился подвергнуть ихъ другому, *высшему* наказанію,—анаѳемѣ. Дѣло такъ просто и ясно, что можно только подивиться, какъ г. Филипповъ не понимаетъ его.

Послѣ всего сказаннаго оказывается, что а) текстъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, напечатанный въ V томѣ «Дополненій къ историческимъ актамъ» на стр. 485 — 7, не «совершенно точенъ и ясенъ», какъ утверждаетъ это г. Филипповъ, а напротивъ заключаетъ въ себѣ «затруднительныя для уразумѣнія и обоюдныя по смыслу мѣста»; что б) если даже опредѣлять характеръ и смыслъ соборнаго опредѣленія

(1) Доп. къ истор. акт., т. V, стр. 460—7.

13 го мая 1667 года исключительно на основаніи его текста, какъ того желаетъ г. Филипповъ, не сопоставляя его ни съ какими другими данными, — и въ такомъ случаѣ взглядъ г. Филиппова на значеніе соборной клятвы не выдерживаетъ критики, или по крайней мѣрѣ представляется не особенно основательнымъ, возбуждающимъ нѣкоторыя недоумѣнія и вопросы.

А если такъ, то, кажется, я не погрѣшилъ противъ требованій здравой герминевтики, когда 4-го декабря прошлаго года, для уразумѣнія истиннаго смысла соборной клятвы 1667 года, обратился, независимо отъ самаго текста соборнаго опредѣленія 13-го мая, къ другимъ опредѣленіямъ собора, которыя, по моему мнѣнію, имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Прежде всего, какъ извѣстно, я указалъ на 27-е правило свитка соборнаго и доказывалъ, что, по смыслу этого правила, клятва изречена была соборомъ на Аввакума, Лазаря, дьякона Ѳедора и прочихъ ихъ единомышленниковъ, единомудренниковъ и совѣтниковъ, а не на чтимые ими обряды, и при томъ—была наложена за ихъ «ложное писаніе и неправедное обличеніе и смущеніе», а не за привязанность ихъ къ старому обряду; причемъ замѣтилъ, что это правило соборнаго свитка такъ ясно говоритъ въ пользу мысли, что соборъ 1667 года изрекъ свою клятву не на употребленіе стараго обряда, а на тѣхъ, кто изъ-за этого обряда отдѣлялся отъ церкви, какъ неправославной, хулилъ ея обряды и таинства, что я считаю излишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предметѣ.

«Вы сейчасъ увидите, милостивые государи, замѣчалъ по этому поводу г. Филипповъ, что дальнѣй-

шія подробности объ этомъ предметѣ не будутъ лишними. Первая изъ этихъ подробностей (весьма крупная) состоитъ въ томъ, что г. Нильскій, излагая предъ вами содержаніе 27-го правила соборнаго свитка, или не понялъ, а если понялъ, то скрылъ отъ васъ, что въ этомъ правилѣ рѣчь идетъ вовсе не о томъ проклятіи, которое произнесено 13-го мая 1667 года и о которомъ у насъ идетъ съ нимъ состязаніе, а о томъ совершенно особомъ проклятіи «еже писано есть въ книзѣ «Жезлъ» и о которомъ я никакого вопроса не возбуждалъ. Чтобы оставить васъ въ заблужденіи относительно истиннаго содержанія правила 27-го, не было инаго средства, какъ эти приводимыя мною слова: «еже писано есть въ книзѣ «Жезлъ»—выпустить; г. Нильскій ихъ и выпустилъ». Прочитавъ за тѣмъ 27-е правило соборнаго свитка въ его подлинномъ видѣ, г. Филипповъ продолжалъ: «и такъ вы видите сами, милостивые государи, что въ 27-мъ правилѣ соборнаго свитка говорится о той клятвѣ и о томъ проклятіи, «еже писано есть въ книзѣ «Жезлъ». А книга «Жезлъ» предъ вами! Не угодно ли взглянуть на ея выходной листъ, и вы увидите, что она напечатана 7-го мая 1666 года и слѣдовательно ни коимъ образомъ не могла содержать въ себѣ клятвъ, которыя наложены были 13-го мая 1667 года, т. е. черезъ годъ и шесть дней послѣ ея изданія».

Такъ какъ слова: «еже писано есть въ книзѣ «Жезлъ» дѣйствительно были опущены мною въ рукописи, посланной г. Филиппову, и такъ какъ на выходномъ листѣ «Жезла», который лежалъ предъ вами, дѣйствительно стоитъ 7-го мая 1666 года; то вы, милостивые государи, весьма естественно могли придти къ

убѣжденію, высказанному г. Филипповымъ, именно: что «смѣшать одну клятву съ другою», т. е. клятву, изреченную 13-го мая 1667 года, съ клятвою, писанною въ книгѣ «Жезлъ», по меньшей мѣрѣ «странно для спеціалиста, преподающаго исторію русскаго раскола въ высшемъ учебномъ заведеніи».

Въ чемъ же однако дѣло? Какъ я могъ допустить такую грубую, непростительную ошибку? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ г. Филипповъ; онъ заявилъ предъ вами, что «хитроумная Аѳина», заранѣе обрекшая меня на пораженіе отъ руки моего соперника, отняла у меня разумъ.

Я не завидую г. Филиппову въ томъ, что ему, въ борьбѣ со мною, покровительствуютъ богини, и сейчасъ докажу безъ всякихъ сверхъестественныхъ пособій, что во второй половинѣ XIX столѣтія надежнѣе полагаться на свои собственныя знанія, чѣмъ на покровительство языческихъ божествъ.

Вы помните, милостивые государи, что г. Филипповъ заявлялъ предъ вами о своей поѣздкѣ въ Москву минувшимъ лѣтомъ и о своихъ неоднократныхъ бесѣдахъ съ любителями церковности, еженедѣльно собирающимися въ Охотномъ ряду. Я ничего не имѣю противъ Охотнаго ряда; тамъ, какъ мнѣ извѣстно, живутъ многія весьма почтенныя лица, хорошо знакомыя съ расколомъ (1); тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, было бы гораздо полезнѣе, если бы г. Филип-

(1) Таковъ напр. священникъ Параскевіевской, въ Охотномъ ряду, церкви о. Іоаннъ Виноградовъ, который въ годичномъ собраніи московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія (23 сент. 1873 г). публично давалъ г. Филиппову весьма хорошій совѣтъ; къ сожалѣнію, почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія не послушался добраго совѣта.

повѣ, вмѣсто того, чтобы слушать въ Охотномъ ряду разные толки о значеніи соборной клятвы 1667 года и объ умственномъ развитіи отцовъ собора,—толки, изъ которыхъ нѣкоторые казались ему совершенно невѣрными, посѣтилъ Троицко-сергіеву лавру, познакомился тамъ съ библіотекаремъ московской духовной академіи и при его посредствѣ посмотрѣлъ хранящійся въ библіотекѣ академіи черновой подлинникъ «Жезла», на которомъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ бывшій воспитанникъ, затѣмъ наставникъ и наконецъ начальникъ академіи, впослѣдствіи преосвященный архіепископъ черниговскій Филаретъ (¹), рукою самаго Симеона Полоцкаго замѣчено, что онъ писалъ «Жезлъ правленія» съ 18-го мая по 13-е іюля 1666 года. Надѣюсь, вы позволите мнѣ не доказывать, что сочиненіе, писанное съ 18-го мая до 13-е іюля, не могло быть напечатано 7-го мая того же года.

Впрочемъ, поѣздка въ Троицко-сергіеву лавру могла представлять какія либо затрудненія для г. Филиппова; притомъ, не смотря на свою «обширную богословскую начитанность», онъ могъ и не знать о существованіи въ московской духовной академіи чернового подлинника «Жезла»; въ такомъ случаѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли 7-го мая 1666 года напечатанъ «Жезлъ», онъ могъ рѣшить, не прибѣгая ни къ какимъ путешествіямъ, а сидя у себя въ кабинетѣ, и притомъ не обращаясь ни къ какимъ другимъ «источникамъ православнаго ученія», которые прилежно изучалъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, а при помощи самой книги «Жезлъ». Къ сожалѣ-

(¹) Ист. Русск. Ц., изд. 3, період. 4, стр. 111, прим. 244; Обз. русск. дух. литер. Т. I, стр. 349.

нію, г. Филиппов, имѣя у себя подъ руками «Жезлъ правленія», обратилъ вниманіе только на выходной его листъ, гдѣ на послѣдней строкѣ значится: «въ лѣто 7174 (т. е. 1666), мѣсяца маія въ 7-й день», и, замѣтивъ при этомъ, что этому листу предшествуетъ бѣлая страница, предположилъ, что это—первый печатный листъ книги и что прежде выходнаго листа болѣе нѣтъ ничего. А между тѣмъ стóило г. Филиппову перевернуть два — три листа, предшествующихъ выходному листу, и онъ нашелъ бы тамъ печатное посвященіе царю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ прямо сказано, что «Жезлъ» «благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго типомъ изданъ». А если такъ, то «Жезлъ» не могъ быть напечатанъ 7-го мая 1666 года, потому что Паисій и Макарій прибыли въ Москву не раньше 2-го ноября 1666, или, по тогдашнему началу новаго года съ сентября, 1667 года (1). Указывается въ «посвященіи» и другое обстоятельство, которое могло бы удержать г. Филиппова отъ обличенія меня въ незнаніи года изданія перваго полемическаго противораскольническаго сочиненія, если бы онъ обратилъ на него вниманіе. Прошу достоуважаемыхъ сочленовъ нашихъ посмотрѣть, кто пишетъ посвященіе Алексѣю Михайловичу; «Іоасафъ, милостію Божіею патріархъ московскій», такъ гласитъ надпись; а Іоасафъ, какъ это извѣстно, получилъ патріаршій престолъ во второй половинѣ февраля 1667 года; значитъ, спустя болѣе 9 мѣсяцевъ послѣ 7-го мая 1666 года, когда, по мнѣнію г. Филиппова, «Жезлъ» былъ напечатанъ.

(1) Дѣл. патр. Никона, стр. 126.

Впрочемъ, чтобы на основаніи указанныхъ мною данныхъ, находящихся въ «посвященіи», можно было видѣть, что «Жезлъ» правленія не могъ быть напечатанъ 7-го мая 1666 года, для этого г. Филиппову нужно было знать не только то, что при книгѣ есть такое посвященіе, закрытое отъ выходнаго листа бѣлою страницей, но и то, когда прибыли въ Москву восточные патріархи и когда на мѣсто осужденнаго Никона былъ возведенъ на московскій патріаршій престолъ Іоасафъ II. По этому строго осуждать почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія за то, что онъ не воспользовался указанными данными при рѣшеніи вопроса о времени напечатанія «Жезла», я не рѣшаюсь. Но за то я не могу не выразить своего крайняго удивленія по поводу того обстоятельства, какъ г. Филипповъ не замѣтилъ, что вопросъ о времени изданія «Жезла» прямо рѣшается тѣмъ самымъ 27 правиломъ соборнаго свитка, на которое я ссылался 4-го декабря прошлаго года, въ подтвержденіе своего взгляда на значеніе соборной клятвы 1667 года, и противъ котораго собственно г. Филипповъ и направляетъ свои любопытныя изысканія о «Жезлѣ». Въ этомъ правилѣ прямо сказано: «книга Жезлъ правленія, яже *нынѣ* сложися (¹) и напечатася»... Что же значитъ это: «нынѣ»? Для рѣшенія этого вопроса г. Филиппову стóило только прочитать 24 правило соборнаго свитка, находящееся не только

(¹) Слово: «сложися», очевидно, указываетъ не на время написанія «Жезла», а на время окончательной редакціи его, или приведенія его въ тотъ видъ, въ какомъ онъ изданъ первый разъ, т. е. со внесеніемъ въ него «посвященія», съ перемѣной нѣкоторыхъ выраженій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видно было, что «Жезлъ» «сооруженъ» частнымъ лицемъ, а не соборомъ, и под.

на одной и той же 472 страницѣ V тома «Дополненій къ историческимъ актамъ», на которой стоитъ и 27 правило, но и въ одномъ и томъ же столбцѣ, и тогда онъ увидѣлъ бы, что «Жезлъ правленія» первый разъ былъ напечатанъ въ тоже «нынѣ», когда напечатанъ былъ и служебникъ, и именно: «въ лѣто 7176», т. е. 1668 года (1). Если же,—какъ я, надѣюсь, доказалъ это лежащими предъ вами книгами,—«Жезлъ правленія» получилъ окончательную редакцію и напечатанъ въ 1668 году, по благословенію восточныхъ патріарховъ (2); то, кажется, я имѣлъ право, для объясненія истиннаго значенія соборной клятвы 13-го мая 1667 года, сослаться на 27 правило соборнаго свитка, въ которомъ говорится о клятвѣ и проклятіи, «еже есть писано въ книгѣ Жезлъ», и смысломъ послѣдней клятвы объяснять смыслъ первой; другими словами: въ проклятіи, «еже есть писано въ книгѣ Жезлъ» и по смыслу котораго анаѳема возводилась отцами собора *нынѣ* (т. е. въ 1668 году) точію на Аввакума, Лазаря и ихъ единомышленниковъ, и—притомъ не за употребленіе ими стараго обряда, а за ихъ «ложное писаніе и неправедное обличеніе и смущеніе», т. е. за тѣ хулы ихъ на церковь православную и ея обряды, которыя они распространяли въ народѣ устно и письменно и которыя смущали простыхъ людей до того, что «во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересь-

(1) Митр. Евгеній (Слов. т. II, стр. 215) прямо говоритъ, что «Жезлъ» изданъ въ 1668 году. Г. Филипповъ можетъ замѣтить, что 7-е мая 1666 года, какъ время напечатанія «Жезла», указывается многими писателями. Это—правда; но такая же правда и то, что недостаточно читать чужія книги, а нужно еще самому имѣть кое-что.

(2) Паисій и Макарій, какъ видно изъ памятниковъ (Дворц. разр. т. III, стр. 769 и слѣд.) пробыли въ Москвѣ до конца 1668 года.

ми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины и таинства», я имѣлъ право видѣть не что иное, какъ повтореніе и разъясненіе соборной клятвы 13-го мая 1667 года (1). Впрочемъ къ чему предположенія, когда тѣсная, неразрывная связь клятвы, которая находится въ «Жезлѣ», съ соборною клятвою 13-го мая 1667 года указана прямо въ постановленіяхъ самаго собора. Прошу почтенныхъ членовъ нашихъ отыскать 507 страницу V тома «Дополненій къ историческимъ актамъ» и провѣрить, находятся ли тамъ слѣдующія слова отцовъ собора: «аще ли кто отнынѣ начнетъ прекословити о изложенныхъ винахъ на соборѣ семъ великомъ отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, яже исправиша и узакониша о аллилуіи, и о крестѣ, и о прочихъ винахъ, яже писаны суть въ соборномъ изложеніи настоящаго сего собора, въ лѣто отъ Божія по плоти рожденія 1667, и въ книзѣ правленія Жезла: да будетъ, по апостолу Павлу, въ правду самоосужденъ и наслѣдникъ клятвѣ сего собора, писанѣй въ соборномъ дѣяніи его, яко преслушникъ Божій и святыхъ отецъ правиломъ противникъ».

Здѣсь прямо говорится, что прекословящіе (2) какъ тому, что́ постановлено было на соборѣ 1667 г., такъ и тому, что́ изложено было въ книгѣ «Жезлъ правленія», подвергаются одному и тому же наказанію, именно: клятвѣ сего собора (1667 г.), писанной въ соборномъ дѣяніи его. Значитъ, проклятіе, «еже есть писано въ книзѣ Жезлъ» и которое изречено было отцами собора на поименованныхъ въ 27 пра-

(1) Нельзя же предположить, чтобы отцы собора изрекали различныя по смыслу клятвы на ревнителей одного и того же стараго обряда.

(2) Прошу припомнить прежнее мое замѣчаніе о томъ, что подъ «прекословіемъ» нельзя разумѣть употребленіе стараго обряда.

вилѣ соборнаго свитка лицъ—не за употребленіе ими стараго обряда, а за хулы ихъ на церковь и ея обряды, по существу своему, не есть что либо отдѣльное отъ соборной клятвы 13-го мая 1667 года, но есть эта именно клятва, только разъясненная самими отцами собора. Значитъ, далѣе, объяснять смыслъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года 27 правиломъ соборнаго свитка, какъ это сдѣлалъ я 4-го декабря прошлаго года, не только можно, но и должно.

Г. Филипповъ однако же держится противоположнаго взгляда; онъ утверждаетъ, что «тотъ самый соборный свитокъ, къ помощи котораго обратился я, явственными чертами отдѣлилъ проклятіе, которое писано было въ книгѣ «Жезлъ» и о которомъ упомянуто (1) въ 27 его правилѣ, отъ клятвъ, изреченныхъ соборомъ 13-го мая 1667 года», и снова жалуется на меня за то, что я или «не замѣтилъ, или если замѣтилъ, то опять скрылъ отъ васъ» это обстоятельство. Чѣмъ же подтверждаетъ г. Филипповъ свою мысль и свою жалобу на меня? — 28 правиломъ соборнаго свитка, въ которомъ говорится слѣдующее: «о святѣмъ же символѣ и о трегубѣй аллилуіи, о сложеніи перстовъ сирѣчь о знаменіи честнаго креста, и о Іисусовѣ молитвѣ повелѣніе писано въ нашемъ соборномъ свиткѣ; а пространнѣйшее толкованіе о сихъ есть въ другомъ нашемъ свиткѣ, еже есть въ толкованіи, и въ книзѣ Жезлъ правленія напечатано во главѣ 20, и 26, и 28, и 29, и 30». Вы, конечно, удивляетесь, какимъ образомъ г. Филипповъ, на основаніи приведенныхъ словъ, пришелъ къ заключенію, что 28 пра-

(1) Соборъ прямо говоритъ: «нынѣ возводится», а, по г. Филиппову, только «упомянуто».

вило соборнаго свитка «явственными чертами отдѣляетъ проклятіе, которое писано было въ книгѣ «Жезлъ», отъ клятвъ, изреченныхъ въ законодательномъ повелѣніи собора 13-го мая 1667 года», когда въ этомъ правилѣ нѣтъ ни слова о какой бы то ни было клятвѣ, а только указывается соборомъ, гдѣ лица, интересовавшіяся старыми и новоисправленными обрядами, могли найти разъясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ первые обряды были отмѣнены соборомъ, а вторые введены во всеобщее употребленіе. А я еще болѣе удивляюсь тому, какъ г. Филипповъ не замѣтилъ, что, неудачно опровергая мой взглядъ на смыслъ проклятія, «еже есть писано въ книзѣ Жезлъ», 28 правиломъ соборнаго свитка, онъ въ тоже время прямо опровергаетъ и себя. Такъ какъ, слѣдуя логикѣ г. Филиппова, приходится заключить, что и клятвы, которыя находятся въ «толкованіи» патріарховъ Паисія и Макарія и которыми почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія подтверждалъ свою мысль о томъ, что будто бы соборъ 13-го мая 1667 года наложилъ проклятіе собственно на употребленіе стараго обряда (1), явственными чертами отдѣлены соборнымъ свиткомъ отъ клятвъ, изреченныхъ въ законодательномъ повелѣніи собора 13-го мая 1667 года; ибо въ 28 правилѣ его «толкованіе» патріарховъ, *наравнѣ съ книгою «Жезлъ»*, отдѣляется отъ соборнаго повелѣнія 13-го мая 1667 года (2).

---

(1) Граждан. № 11, стр. 316—317.

(2) Послѣ всего сказаннаго, считаю излишнимъ опровергать мнѣніе г. Филиппова о томъ, будто бы клятва, о которой говорится въ 27 правилѣ свитка, касается *собственно* вождей раскола, осужденныхъ еще въ теченіе 1666 года (и именно 7-го мая 1666 года), до прибытія восточныхъ патріарховъ (Гражд. № 11, стр. 318), такъ какъ мнѣніе это

Послѣ всего сказаннаго о времени напечатанія «Жезла правленія», остается вопросъ: что̀ значитъ 7-го мая 1666 года, которое находится на послѣдней строкѣ «выходнаго», по выраженію г. Филиппова, листа «Жезла» и которое ввело почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія въ такія грубыя ошибки? Здѣсь не аудиторія, и потому я не считаю себя въ правѣ утомлять ваше вниманіе подробностями, какія неизбѣжны при рѣшеніи этого вопроса, — тѣмъ болѣе, что, въ виду прежде сказаннаго, предложенный вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія для дѣла. Скажу одно: 7-е мая 1666 года, стоящее на заглавномъ листѣ «Жезла», можетъ значить многое, только ни въ какомъ случаѣ не означаетъ того, что̀ видитъ въ этихъ цифрахъ г. Филипповъ. Прошу достоуважаемыхъ членовъ повѣрить по лежащей предъ ними книгѣ, правильно ли я прочитаю полное заглавіе Жезла: «Жезлъ *правленія*: на правительство мысленнаго стада православнороссійскія церкви, *утвержденія*: во утвержденіе колеблющихся въ вѣрѣ, *наказанія*: въ наказаніе непокоривыхъ овецъ, *казненія*: на пораженіе жестоковыйныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо Христово нападающихъ, соо-

основывается на ошибочномъ предположеніи, будто бы «Жезлъ» напечатанъ 7-го мая 1666 года. Но я прошу г. Филиппова указать мнѣ засѣданія собора 1666 года, на которыхъ были осуждены упоминаемые въ 27 правилѣ соборнаго свитка Епифаній, чернецъ соловецкій, Никифоръ и даже Лазарь, противъ котораго, вмѣстѣ съ Никитой, и написанъ былъ «Жезлъ». Въ книгѣ, которою пользовался г. Филипповъ въ данномъ случаѣ, замѣчено, что Лазарь лишенъ сана и преданъ анаѳемѣ 17-го іюля 1666 года; г. Филипповъ, находя, что указанное число не мирится съ его взглядомъ на дѣло, опустилъ его; что-то сдѣлаетъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, когда узнаетъ изъ настоящей рѣчи моей, что Лазарь былъ лишенъ сана и преданъ анаѳемѣ не 7-го мая и не 17-го іюля 1666 года, но 17-го іюля 1667 года (Дополн. къ истор. акт. т. V, стр. 457)?!

руженный отъ всего освященнаго собора, собраннаго повелѣніемъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя Царя и великаго Князя Алексія Михаиловича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, въ царствующемъ, богоспасаемомъ и преименитомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7174, мѣсяца маіа въ 7 день». Какъ видите, о печатаніи, или напечатаніи «Жезла» здѣсь нѣтъ ни слова, такъ какъ *сорудить* не значитъ *напечатать*. Да и можно ли допустить, чтобы такая большая книга, какъ «Жезлъ правленія», была напечатана въ одинъ день, какъ бы ни велики были силы и средства тогдашней типографіи? Однимъ словомъ: я нахожусь вынужденнымъ повторить здѣсь когда-то печатно высказанный мною г. Филиппову упрекъ въ томъ, что онъ нерѣдко «писанія точію по чернилу проходитъ, разума же сихъ не нудится вѣдѣти», и что у него есть обычай «не точію на едину строку зрѣть, но на едину токмо рѣчь смотря и разсуждая» (').

Наконецъ, можетъ у кого-либо родиться вопросъ: съ какою цѣлію я сдѣлалъ 4-го декабря прошлаго года пропускъ словъ: «еже есть писано въ книзѣ Жезлъ», въ которомъ г. Филипповъ увидѣлъ мое намѣреніе «оставить васъ въ заблужденіи относительно истиннаго содержанія правила 27» соборнаго свитка и который далъ случай почтенному защитнику нуждъ единовѣрія сообщить вамъ свои курьезныя свѣдѣнія о времени изданія книги: «Жезлъ правленія»? Вамъ извѣстно, что по обстоятельствамъ, отъ меня не зависѣвшимъ, наши пренія по вопросу о нуждахъ единовѣрія приняли въ послѣднее время характеръ по-

(') Хр. Чт. 1871 г. апрѣль, стр. 692 и 698.

лемики, литературной войны, и притомъ страстной, раздражительной. А на войнѣ, милостивые государи, позволительны извѣстнаго рода хитрости. Для дѣла и для людей, знающихъ дѣло, сдѣланный мною пропускъ не имѣлъ никакого особеннаго значенія (¹); между тѣмъ г. Филиппову... онъ далъ случай провозгласить себя героемъ — побѣдителемъ. И я даже не отрицаю геройства почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія. Чтобы съ такими убогими свѣдѣніями, какія показалъ г. Филипповъ въ своихъ разсужденіяхъ о книгѣ «Жезлъ правленія», называть противника человѣкомъ, лишеннымъ разума, — для этого, по моему мнѣнію, нужно имѣть много смѣлости, нужно быть въ извѣстномъ смыслѣ героемъ.

Кромѣ 27 правила соборнаго свитка, въ подтвержденіе правильности своего взгляда на смыслъ соборной клятвы 13-го мая 1667 года, я указывалъ еще на 26 правило того же свитка, въ которомъ отцы собора одобрили и утвердили епистолію константинопольскаго патріарха Паисія къ патріарху Никону; при чемъ, изложивъ кратко взглядъ вселенскаго патріарха на обрядовыя разности, я замѣчалъ: «соборъ 1667 года не только не проклялъ содержанія, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ, но даже и не могъ этого сдѣлать безъ прямаго противорѣчія самому себѣ и своимъ опредѣленіямъ. И если онъ, признавъ

(¹) А что я не имѣлъ намѣренія скрывать отъ читателей выраженія: «еже есть писано въ книзѣ Жезлъ»,—видно изъ того, что при печатаніи своей рѣчи, произнесенной 4-го декабря 1873 г., я въ примѣчаніи привелъ это выраженіе и даже кратко объяснилъ, что оно значитъ (Хр. Чт. 1874 г. Февр. стр. 167; книжка эта вышла 19 февраля, т. е. за недѣлю раньше, чѣмъ г. Филипповъ заявилъ вамъ о моемъ намѣреніи ввести васъ въ заблужденіе).

правильною и утвердивъ «епистолію» патріарха Паисія, изрекъ въ тоже время анаѳему на ревнителей стараго обряда, то сдѣлалъ это, очевидно, потому, что съ содержаніемъ обрядовъ и чиновъ, самихъ по себѣ неважныхъ и несущественныхъ, они соединяли мысли, чуждыя соборной церкви, именно: считали старый обрядъ неизмѣннымъ догматомъ вѣры, безъ котораго будто бы невозможно самое спасеніе (1), хулили обряды православія и саму церковь, усвоившую ихъ, и отдѣлились отъ ней, какъ отъ церкви еретической, чины и таинства которой будто бы «осквернены ересьми многими и антихристовою скверною».

Не оспоривая правильности моей ссылки на 26 правило соборнаго свитка и сдѣланнаго мною изъ него вывода, г. Филиппов замѣтилъ только слѣдующее: «г. Нильскій говоритъ, что, одобривъ епистолію, соборъ 1667 года не могъ наложить клятвы на употребленіе дониконовскихъ обрядовъ безъ прямаго противорѣчія самому себѣ и своимъ опредѣленіямъ. Но съ этимъ, сколько мнѣ извѣстно, никто и не споритъ. Безъ противорѣчія не могъ, но съ противорѣчіемъ могъ». Признаюсь откровенно, меня не удивило бы такое разсужденіе, если бы я слышалъ его отъ тѣхъ знакомыхъ г. Филиппова, которые увѣряли его, что «отцы собора не умѣли точно выражаться, по своему невѣжеству: ибо епископы того времени, по степени своего образованія, не многимъ отличались отъ простыхъ мужиковъ». Но вѣдь почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія держится инаго взгляда на этотъ

(1) Приведя это мѣсто моей рѣчи, г. Филиппов почему-то опустилъ дальнѣйшія слова.

предметъ; онъ утверждалъ предъ вами, что «отъ всей души поздравилъ бы каждаго изъ своихъ антагонистовъ порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, если бы они стяжали хотя небольшую долю той ясности, точности и въ особенности той логической послѣдовательности въ изложеніи своихъ мнѣній, какою отличаются опредѣленія отцовъ собора», и затѣмъ—сряду же и настойчиво доказывалъ, что опредѣленія собора 1667 года относительно обрядовыхъ особенностей находятся «въ рѣзкомъ противорѣчіи» съ епистоліею патріарха Паисія, одобренною и утвержденною тѣмъ же соборомъ. Съ своей стороны, и я не могу поздравить г. Филиппова съ тѣмъ, что сужденія его отличаются особенною логическою послѣдовательностію. Почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія самъ сознается, что отцы собора 1667 года не впали бы въ противорѣчіе съ епистоліею Паисія, если бы предали отлученію и клятвамъ единственно тѣхъ, кои «стали бы свой прежній обрядъ противопоставлять новоисправленному, какъ единственно православный погрѣшительному, и изъ—за обрядовой разности стали бы удаляться отъ церковнаго общенія и хулить іерархію, церковь и ея святыню, и такимъ образомъ проявили бы въ своихъ дѣйствіяхъ очевидныя «знаменія ереси и раздора» (1); а таково, какъ я уже замѣчалъ не разъ, и было отношеніе къ церкви и ново-исправленному обряду лицъ, которыхъ судилъ и предалъ анаѳемѣ соборъ 1667 года 13-го мая. Рекомендую г. Филиппову еще разъ со вниманіемъ прочитать ту

(1) Гражд. № 12, стр. 360.

часть соборнаго постановленія (¹), которую онъ называетъ «вступительнымъ объясненіемъ», но которая на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ изложеніе причинъ, заставившихъ отцовъ собора при сужденіи о лицахъ, державшихся стараго обряда, руководствоваться не «общею руководительною мыслію, изъ которой исходилъ въ своихъ разсужденіяхъ патріархъ Паисій», но 8 и 9 отвѣтами его, въ которыхъ рѣчь идетъ о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и протопопѣ Нероновѣ; тогда почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія освободитъ отъ противорѣчія не только отцовъ собора 1667 года, но и себя самого.

Наконецъ, съ тою же цѣлію, т. е. для уясненія истиннаго смысла соборной клятвы 1667 года, я указывалъ 4-го декабря прошлаго года на 14 правило соборнаго свитка, въ которомъ говорится слѣдующее: «благословихомъ всякому освященнаго чина и монахомъ одѣяніе носити, якоже носятъ вси освященнаго чина и монахи святыя восточныя церкве, обаче не принуждаемъ, но подражателей ея благословляемъ; аще же кто непокоренъ есть и не хощетъ такова одѣянія носити, повелѣваемъ, да не укоряетъ носящихъ; аще ли же кто станетъ укоряти носящихъ греческія одежды, таковый, аще будетъ отъ освященнаго чина, да извержется, аще же отъ мірскаго, да будетъ отлученъ» (²). По поводу этого указанія моего г. Филипповъ замѣтилъ: «нисколько не было бы удивительно, если бы это 14 правило свитка было приведено мною въ косвенную защиту моихъ мнѣній...; но какимъ образомъ могъ привести въ помощь себѣ 14

(¹) Доп. къ ист. акт. т. V, стр. 483—4.

(²) Тамъ же стр. 470—1.

правило г. Нильскій, это остается загадкою, которую не очень легко разъяснить... Единственное объясненіе той странной оплошности, продолжаетъ г. Филипповъ, въ которую впалъ мой ученый, но промашистый противникъ», состоитъ въ томъ, что хитроумная «Аѳина положительно противъ него». Прежде всего я удивляюсь, почему г. Филипповъ не воспользовался для своихъ цѣлей 14 правиломъ свитка прежде, чѣмъ я указалъ на него, если это правило можетъ хотя бы косвенно защищать его мнѣнія. Видно, «прискорбныя недоразумѣнія», по которымъ г. Филипповъ въ сужденіяхъ своихъ о значеніи того или другаго историческаго памятника долженъ былъ основываться только на моихъ статьяхъ и на моихъ рѣчахъ (1), случаются съ нимъ довольно часто. Затѣмъ: загадка, для разъясненія которой почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія вынужденъ былъ потревожить хитроумную Аѳину, объясняется слѣдующими словами моей рѣчи: «здѣсь (т. е. въ 14 правилѣ) мы еще разъ встрѣчаемъ клятву собора по одному изъ частныхъ и, по видимому, самыхъ неважныхъ вопросовъ —по вопросу объ одеждѣ. На кого же налагается клятва?—на непокоряющихся собору. За что же? За то ли, что они не хотѣли разстаться съ своею прежнею формою платья? Нѣтъ, а за то, что, удерживая свою одежду и не принимая одежды, предписываемой соборомъ, они осмѣливались порицать носящихъ послѣднюю. Здѣсь виною, вполнѣ заслуживающею отлученія отъ церкви, является не разность въ одеждѣ, а та вражда, съ которою относились не же-

(1) Гражд. № 13—14, стр. 386.

лавшіе принять узаконенное соборомъ одѣяніе какъ къ этому одѣянію, такъ и къ лицамъ, носящимъ его, —вражда, которая сама собою уничтожаетъ тотъ духъ мира, согласія и любви, безъ котораго, и при согласіи въ догматахъ вѣры, немыслимо полное церковное единеніе... *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, говоритъ самъ Спаситель. Значитъ, тамъ, гдѣ нѣтъ любви, гдѣ напротивъ, при существованіи нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей, открыто выражается вражда противъ православныхъ обрядовъ, противъ содержащихъ ихъ и даже противъ всей церкви, тамъ нѣтъ и не можетъ быть церковнаго единенія. А таково именно, какъ видно изъ дѣяній самаго собора, и было отношеніе къ церкви и ея обрядамъ ревнителей стараго обряда, которыхъ судилъ и осудилъ соборъ 1666—7 года». Г. Филиппова смущаетъ то обстоятельство, что отцы собора изложили свое опредѣленіе 13-го мая 1667 года не такъ, какъ они изложили 14 правило свитка, и онъ объясняетъ это различіе тѣмъ, что «у нихъ была совершенно иная мысль» при составленіи опредѣленія 13-го мая (1). Если слова: «иная мысль» замѣнить словами: «другая причина»,—то будетъ вѣрнѣе. Составляя 14 правило свитка, соборъ, оставаясь вѣрнымъ епистоліи константинопольскаго патріарха Паисія, долженъ былъ сказать, что, благословляя освященный чинъ и монаховъ—носить греческую одежду, онъ не принуждаетъ къ этому никого, и только повелѣваетъ тѣмъ, кто не захотѣлъ бы носить новую одежду, не укорять носящихъ ее, угрожая имъ въ противномъ случаѣ изверженіемъ и отлученіемъ,—

(1) Гражд. № 12, стр. 360.

такъ какъ отцы собора не знали, въ какое отношеніе къ вопросу о предписываемой ими одеждѣ станутъ русскіе люди, теперь только въ первый разъ приглашавшіеся къ ношенію греческаго одѣянія. Излагая же (13-го мая 1667 г.) опредѣленіе о новоисправленныхъ книгахъ и обрядахъ, отцы собора знали (¹), что люди, державшіеся старыхъ книгъ и обрядовъ, не только укоряли тѣхъ, кто слѣдовалъ узаконенію собора 1666 года, но еще хулили разными именами какъ самые новоисправленные чины и обряды, такъ и церковь православную, усвоившую эти чины и обряды; и потому, въ силу той же епистоліи Паисія (8 и 9 отв.), отцы собора должны были изречь на ревнителей стараго обряда, какъ проявлявшихъ въ своихъ дѣйствіяхъ «знаменія ереси и раздора», анаѳему, и притомъ—безъ всякой оговорки,—такъ какъ лицъупотреблявшихъ старый обрядъ безъ вражды къ церкви и православному обряду, въ то время не было: по крайней мѣрѣ г. Филипповъ доселѣ не указалъ ихъ.

Такимъ образомъ, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что какъ опредѣленіе 13-го мая 1667 года, такъ и другія постановленія, изданныя на томъ же соборѣ, не только не подтверждаютъ мысли г. Филиппова, будто-бы соборная клятва падаетъ собствен, но на употребленіе стараго обряда, напротивъ прямо опровергаютъ ее.

Теперь перехожу къ разбору тѣхъ постановленій, какъ предшествовавшихъ собору 1667 года, такъ и состоявшихся послѣ собора до временъ Екатерины II, которыя, не смотря на мои объясненія 4-го декабря 1873 года, г. Филипповъ все-таки считаетъ подтвер-

(¹) Доп. къ ист. акт. т. V, стр. 483—4.

ждающими тотъ смыслъ соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, какой находитъ въ немъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія.

Признавая, что постановленіемъ собора 1666 года (2-го іюля) употребленіе дониконовскихъ обрядовъ воспрещалось безъ клятвъ (1), г. Филипповъ тѣмъ не менѣе въ другомъ мѣстѣ своего чтенія (2) прямо утверждаетъ, что отцы собора 1666 года произнесли анаѳему на употребленіе двуперстія, миновавъ другія обрядовыя особенности, и подтверждаетъ свою мысль тѣмъ, что въ 21-й главѣ «Жезла» сказано слѣдующее: «подобаетъ убо, о православніи людіе, оставльше душевредное лестныхъ сихъ проповѣдниковъ ученіе, послѣдовати древнему всея церкве обычаю, апостольскому преданію, всѣхъ православныхъ родовъ согласію, еже есть тремя персты первыми крестное творити воображеніе. Тако учимъ, тако повелѣваемъ; а противнѣ упорно мудрствующихъ предаемъ анаѳемѣ». Не входя въ подробности о томъ, что сказаннаго въ «Жезлѣ», написанномъ не раньше 13-го іюля 1666 года и напечатанномъ не ранѣе 1668 года, нельзя приписывать отцамъ собора, окончившаго свои засѣданія 2-го іюля 1666 года (3), я нахожу не лишнимъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, какъ оригинально толкуетъ г. Филипповъ историческіе памятники. На основаніи словъ: «а противнѣ упорно мудрствующихъ предаемъ анаѳемѣ» г. Филипповъ, не обинуясь, утверждаетъ, что «отцы собора 1666 года произнесли анаѳему» собственно «на употребленіе двуперстія», между тѣмъ

(1) Гражд. № 11, стр. 316.
(2) Гражд. № 12, стр. 360.
(3) Ист. р. раск., стр. 177; Доп. къ вст. акт. V, стр. 467.

какъ выше—на л. 61 прямо сказано: «повѣдуютъ противницы треперстное сложеніе ересь быти Формосову». Изъ этихъ словъ ясно видно, что въ «Жезлѣ» анаѳема изречена не на употребленіе двуперстія, а на противниковъ церкви, хулившихъ православное перстосложеніе и называвшихъ его ересію. А если къ этому прибавить, что эти противники, хулившіе троеперстіе, въ тоже время «хулами нестерпимыми уничижали и всю церковь» и даже совершенно отторглись отъ единства ея и составили свое отдѣльное общество (1); то истинное значеніе клятвы, которая находится въ «Жезлѣ» и которая, какъ я говорилъ выше, по смыслу своему не отличается отъ соборной клятвы 13-го мая 1667 года, опредѣлится такъ: клятва изречена на противниковъ св. церкви не за употребленіе ими стараго обряда, а за хулы ихъ на церковь и обряды православія, будто бы еретическіе (2).

Между тѣмъ г. Филипповъ, утверждая, что отцы собора 1666 года произнесли анаѳему собственно на употребленіе двуперстія, указалъ и причину, по которой соборъ 1666 года поступилъ такъ. Эта причина, по словамъ г. Филиппова, «заключается, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ томъ, что двуперстіе, еще за 10 лѣтъ до того, было уже подвергнуто церковному проклятію», именно на соборѣ 1656 года.

Я не стану указывать вамъ на неточность выраженій г. Филиппова, который 18-го января прошлаго года утверждалъ, что отцы собора 1667 года не могли возложить клятву на старые обряды, «потому что это значило бы предать проклятію всю русскую церковь

(1) Жезл. пред. л 17; снес. л. 57.

(2) Жезл. л. 20.

до временъ исправленія обряда и частію даже самихъ себя» (1), а 26-го февраля настоящаго года увѣрялъ васъ, что двуперстіе было подвергнуто соборному проклятію еще на соборѣ 1656 года и что это проклятіе не отмѣнено и соборомъ 1667 года (2). Не буду говорить и о той странности г. Филиппова, вслѣдствіе которой онъ упрекалъ меня за то, что, для уразумѣнія истиннаго смысла соборной клятвы 1667 года, я указывалъ на проклятіе, содержащееся въ книгѣ «Жезлъ правленія», напечатанной, по ошибочному мнѣнію почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія, 7-го мая 1666 года, т. е. за годъ и шесть дней до собора 13-го мая 1667 года; между тѣмъ какъ самъ г. Филипповъ для той же цѣли ссылается на клятву, изреченную на соборѣ 1656 года, т. е. за 10 лѣтъ до собора 1667 года. Очевидно, почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, упрекающій своихъ антагонистовъ въ недостаткѣ «логической послѣдовательности», самъ не считаетъ нужнымъ имѣть эту ученую добродѣтель. Моя задача въ настоящемъ случаѣ — показать, на сколько основательно поступаетъ г. Филипповъ, ссылаясь на опредѣленіе собора 1656 года, въ подтвержденіе правильности своего взгляда на соборную клятву 1667 года.

4-го декабря прошлаго года я говорилъ, что указаніе г. Филиппова на соборъ 1656 года «не можетъ имѣть серьезнаго значенія—потому, что соборъ 1666 года, опредѣленія котораго служатъ основаніемъ для собора 1667 года, призналъ правильнымъ изъ прежнихъ соборовъ, бывшихъ по дѣлу книжнаго исправленія, одинъ только соборъ 1654 года, на которомъ рѣшено было

(1) Сборн. проток. стр. 206.
(2) Гражд. № 12, стр. 361.

начать исправленіе книгъ; о соборѣ же 1656 года не упомянулъ ни однимъ словомъ, какъ бы его и не существовало. Значитъ, ставить въ связь съ опредѣленіемъ этого собора клятву соборную 1667 года нѣтъ никакого основанія,—тѣмъ болѣе, что восточные патріархи, присутствовавшіе на соборѣ 1667 года, не одобряли двуперстія не потому, чтобы видѣли въ двухъ перстахъ «два сына и два состава, по несторіевой ереси», что̀ видѣлъ въ нихъ соборъ 1656 года, но потому, что три перста—первый, четвертый и пятый, которые лица, крестившіеся двумя перстами—указательнымъ и среднимъ, употребляли въ означеніе Св. Троицы, выражали, по мнѣнію восточныхъ святителей, неравенство лицъ Св. Троицы». Г. Филипповъ не согласенъ съ такимъ взглядомъ на дѣло и особенно дивится моему выраженію: «какъ бы его и не существовало». А между тѣмъ это выраженіе имѣетъ за себя фактъ слѣдующаго рода. Когда, для утоленія церковнаго мятежа, произведеннаго въ русской церкви расколоучителями, возставшими противъ исправленія книгъ и обрядовъ, царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ (6 февр. 1666 года) соборъ русскихъ архипастырей, отцы собора въ первомъ засѣданіи условились не прежде начать сужденія о мятежѣ и расколѣ, какъ предварительно рѣшивши, согласны ли они сами въ главныхъ основаніяхъ для сужденій объ этомъ предметѣ. «Сошедшеся въ крестовую палату патріаршую, читаемъ въ дѣяніяхъ собора, совѣтоваша между собою не прежде начати иныя о мятежѣ, расколѣ и непостоянствѣ, тако въ православныя догматѣхъ вѣры, якоже и во преданіихъ святыхъ отецъ взыскивати же и судити, нежели между собою о той же винѣ соиспы-

татися и совзыскати, дабы не услышати кому онаго: врачю, исцѣлися самъ» (1). Прежде всего прочитанъ былъ никеоцареградскій символъ вѣры въ новоисправленномъ видѣ, и когда оказалось, что въ принятіи этого символа были всѣ согласны и единомысленны, тогда предложены были на разсужденіе слѣдующіе три вопроса: 1) какъ думать о святѣйшихъ патріархахъ греческихъ, — православны ли они, живя подъ властію великаго гонителя имени христіанскаго; 2) какъ смотрѣть на греческія книги, печатныя и древнія рукописныя, употребляемыя патріархами и всѣми священниками при богослуженіи,—праведны ли онѣ и достовѣрны ли; 3) какъ признавать соборъ, бывшій въ Москвѣ въ 1654 году,—за праведный ли соборъ? «О сихъ статьяхъ, говорится въ дѣяніяхъ собора, бысть единъ гласъ всего освященнаго собора, и утвердися единаго коегождо архіерея рукописаніемъ».

Такимъ образомъ, повторяю, отцы собора 1666 года, рѣшившіе не прежде начать сужденія о расколѣ и мятежѣ, какъ предварительно условившись и согласившись между собою въ главныхъ основаніяхъ для сужденій объ этомъ предметѣ, не упомянули о соборѣ 1656 года ни однимъ словомъ, какъ бы его и не существовало. Чѣмъ объяснить это молчаніе собора? По моему мнѣнію, отцы собора 1666 года,—исключительно русскіе іерархи, прежде употреблявшіе тѣ самые обряды, которые теперь сдѣлались для людей неразумныхъ поводомъ къ церковному мятежу и расколу, не упомянули о соборѣ 1656 года потому, что сами намѣрены были отнестись къ ревнителямъ стараго обряда менѣе строго, чѣмъ какъ поступилъ съ при-

(1) Доп. къ ист. акт. т. V, стр. 443.

верженцами двуперстія соборъ 1656 года, бывшій подъ предсѣдательствомъ строгаго патріарха Никона. Почему же въ такомъ случаѣ соборъ 1666 года не отмѣнилъ опредѣленія собора 1656 года? На этотъ вопросъ я даю слѣдующій отвѣтъ. Находя неудобнымъ прямо отмѣнять опредѣленіе собора 1656 года, основаніемъ для котораго, между прочимъ, послужили отзывы о двуперстіи восточныхъ пастырей, изъ которыхъ одинъ (Макарій антіохійскій) въ это время уже снова ѣхалъ въ Москву для окончательнаго суда надъ нелюбимымъ почти всѣми патріархомъ Никономъ, отцы собора 1666 года считали достаточнымъ для отмѣны указаннаго опредѣленія свое *новое* постановленіе относительно не только двуперстія, но и другихъ обрядовъ; такъ какъ извѣстно, что всякій новый по существу законъ относительно какого либо предмета, изданный *тою же властію*, отмѣняетъ прежній — о томъ же предметѣ, хотя бы объ этомъ прямо и не говорилось въ новомъ законѣ.

Г. Филиппов<u>ъ</u> можетъ сказать, что соборъ 1666 года, на которомъ присутствовали только русскіе іерархи, не могъ отмѣнить опредѣленіе собора 1656 года, на которомъ, кромѣ московскаго патріарха Никона, присутствовали еще «восточные единовѣрные намъ пастыри: патріархъ антіохійскій Макарій, патріархъ сербскій Гавріилъ, митрополитъ никейскій Григорій и молдавскій Гедеонъ, пріѣхавшіе, по словамъ г. Филиппова, въ Москву на предназначенный въ ту пору (т. е. 1656 года) соборъ» (1). Мнѣ не хотѣлось бы, тѣмъ не менѣе я долженъ снова «обратить въ вопросъ ученую добросовѣстность» почтеннаго защитника нуждъ

(1) Гражд. № 12, стр. 360.

единовѣрія и заявить предъ вами, что г. Филипповъ не только умѣетъ искажать и извращать историческіе памятники, но даже имѣетъ способность и смѣлость публично передавать содержаніе того или другаго документа, не прочитавъ его предварительно. Иначе я не могу объяснить себѣ заявленіе г. Филиппова о томъ, что на соборѣ 1656 года присутствовали указанные выше восточные іерархи, будто бы нарочно пріѣхавшіе въ Москву на этотъ соборъ. Прошу почтенныхъ сочленовъ нашихъ отыскать въ концѣ «Скрыжали» «слово отвѣщательное», сказанное Никономъ на соборѣ 1656 года, и убѣдиться въ томъ, что восточные архипастыри: Макарій, патріархъ антіохійскій, и другіе были въ Москвѣ (въ 1656 году) «потребъ своихъ ради» (л. 9 об. и 10) и что на соборѣ 1656 года присутствовали одни только архіереи, «сущіи, по выраженію Никона, въ области нашей» (л. 13), что̀ подтверждаютъ и находящіяся въ концѣ «слова отвѣщательнаго» подписи членовъ собора (л. 17 об. — 21). А между тѣмъ, съ какимъ одушевленіемъ произносилъ предъ вами г. Филипповъ слѣдующее мѣсто своего чтенія: «какъ же было быть этимъ свидѣтелямъ (1) проклятія? Куда имъ было дѣться и кого имъ было слушаться? Этого ли Макарія, патріарха антіохійскаго, *который на соборѣ 1656 года проклинаетъ употребленіе двуперстія*, или того Макарія, который на соборѣ 1667 года, по словамъ г. Нильскаго, его проклинать и не думаетъ, а о прежнемъ своемъ проклятіи молчитъ? Ну, а для самаго Макарія и для Григорія никейскаго, изъ коихъ первый былъ въ числѣ предстоя-

(1) Т. е. всѣмъ, кто въ 1656 году въ день православія былъ на литургіи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

телей, а другой въ числѣ членовъ собора 1667 года, для нихъ соборъ 1656 года и его клятва на двуперстниковъ тоже какъ бы не существовала? И они могли, по убѣжденію ученаго профессора, не нарушая своихъ обязанностей къ истинѣ и смущенному ихъ клятвою народу, промолчать о противорѣчіи ихъ прежняго, никѣмъ не опороченнаго и не отмѣненнаго, соборованія съ опредѣленіемъ собора 1667 года, если бы это противорѣчіе въ самомъ дѣлѣ между ними существовало»? Отвѣтъ на всѣ эти «праздные» вопросы—простой: ни Макарія антіохійскаго, ни Григорія никейскаго не было на соборѣ 1656 года; значитъ, г. Филипповъ по-пусту волнуется самъ и напрасно тревожитъ другихъ, способныхъ вѣрить печатному слову, хотя бы оно было «лжеклеветное и ложное». А потому я обращу ваше вниманіе только на то, есть ли противорѣчіе между соборнымъ опредѣленіемъ 1667 года 13-го мая и опредѣленіемъ собора 1656 года.

Не разъ уже я говорилъ и снова повторяю, что, по моему мнѣнію, соборная клятва 1667 года изречена была на ревнителей стараго обряда не за употребленіе ими этого обряда, а за хулы ихъ на церковь и обряды православія. Нижеслѣдующія данныя убѣдятъ васъ, что по той же причинѣ наложено было проклятіе на употреблявшихъ двуперстіе и на соборѣ 1656 года.

Когда патріархъ Никонъ, вслѣдствіе обличеній со стороны восточныхъ архипастырей, пріѣзжавшихъ въ Москву, рѣшился замѣнить двуперстіе троеперстіемъ и разослалъ первый указъ о томъ, чтобы всѣ знаменовались тремя перстами, — «мы, пишетъ Аввакумъ въ своей автобіографіи, задумалися, сошедшися между

собою: видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали». Нероновъ, на имя котораго адресованъ былъ патріаршій указъ, поручивъ церковь свою Аввакуму, самъ ушелъ въ Чудовъ монастырь, затворился здѣсь въ кельѣ и цѣлую недѣлю молился, прося помощи у Бога въ трудное для православія время. И вотъ отъ Спасова образа пришелъ къ нему гласъ: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Изъ Чудова монастыря Нероновъ отправился укрѣплять братію на ходатайство за истинную вѣру предъ царемъ. «Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ, разсказываетъ Аввакумъ, таже коломенскому епископу Павлу, потомъ Даніилу костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ... и подали государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ» (1). Неизвѣстно, что̀ писали Аввакумъ и Даніилъ о троеперстіи, такъ какъ челобитная ихъ не дошла до насъ. Но, судя по одному посланію Аввакума, писанному имъ уже изъ Пустозерскаго острога, можно думать, что ревнители двуперстія отнеслись къ троеперстію, какъ къ ереси и печати антихристовой; «мы съ отцами и братіей, пишетъ Аввакумъ, не смолчавши, стали обличать еретика и предтечу антихристова» (т. е. Никона) (2). Свидѣтельство Аввакума подтверждаютъ и оффиціальныя данныя. Въ дѣяніяхъ собора 1666 года прямо говорится, что Нероновъ еще въ 161 (т. е. 1653) году «велій ратникъ и хулитель бяше», между

(1) Житіе, стр. 21 и 22.

(2) Разск. изъ истор. старообр. стр. 87.

прочимъ, и «на сложеніе-трієхъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ» (1).

Такимъ образомъ, самыя первыя попытки патріарха Никона къ исправленію церковно-богослужебнаго чина и обрядовъ были встрѣчены ревнителями старины открытымъ протестомъ и хулою какъ на самаго патріарха, такъ и на новоисправленные обряды. Съ теченіемъ времени враждебно-хульное отношеніе ревнителей стараго обряда къ обряду новоисправленному и, въ частности, къ православному перстосложенію еще болѣе усилились. Въ черновомъ спискѣ грамоты Никона къ патріарху константинопольскому Паисію, отправленной, или назначавшейся къ отправленію, какъ видно, ранѣе той грамоты, которая послана была въ Константинополь въ 1654 году съ Мануиломъ грекомъ и отвѣтомъ на которую была извѣстная епистолія Паисія, напечатанная въ «Скрижали», московскій патріархъ, исчисливъ найденныя имъ несогласія въ чинахъ церкви русской съ чинами церкви греческой, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «симъ тако сущимъ и на сія разгласія ненаученіи и неутвержденіи нѣцыи зряще и греческа діалекта не вѣдуще, мнятъ не яко разгласія, но *истину* быти, и непокорствомъ дышуще пренія со благочестивыми не лѣнятся содѣвати, и ненависти огнь возжигаютъ, забывше огня геенскаго страхъ и не помянувше, яко и въ словенскихъ книгахъ, яже прежде многихъ лѣтъ писаны, обрѣтается во всемъ съ греческими сходство» (2); при чемъ Никонъ спрашивалъ Паисія, «что сотворити соблажняющимся и непокорнѣ пря-

(1) Доп. къ ист. акт. т. V, стр. 457.

(2) Дѣян. моск. соб. 1654 г., Москва, 1873 г., прилож. л. 4.

щимся». Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же 1654 году, патріархъ Никонъ составилъ и препроводилъ къ патріарху Паисію другое посланіе, въ которомъ, указавъ на распри, какія происходили у насъ изъ-за обрядовыхъ разностей, уже прямо назвалъ лицъ, бывшихъ главными виновниками этихъ распрей, именно: епископа коломенскаго Павла и протопопа Неронова, которые, по словамъ Никона, упорно держались своихъ, несогласныхъ съ греческими, «книгъ, литургіи, *знаменія*», порицали патріаршія молитвы и «тщались творити и принести новины своя и сокровенныя молитвы, яко исправленіе». Въ такихъ дѣйствіяхъ Павла коломенскаго и Неронова Паисій, какъ извѣстно, усмотрѣлъ «знаменія ереси и раздора» и совѣтовалъ Никону употребить законное вразумленіе по отношенію къ раздорникамъ, а въ случаѣ несогласія ихъ принять то, «елика держитъ и догматствуетъ православная церковь», уполномочилъ Никона отлучить непокорныхъ отъ церкви. Угроза константинопольскаго патріарха однакоже не подѣйствовала на раздорниковъ. Мало этого: своимъ примѣромъ и ученіемъ они начали соблазнять и другихъ,—такъ, что многіе перестали ходить въ церковь и присоединялись къ расколоучителямъ. Главнымъ предметомъ вражды и порицаній Неронова и другихъ было, какъ видно (1), троеперстіе. Это обстоятельство и заставило Никона, не довольствуясь епистоліей Паисія, обратиться къ находившимся въ то время въ Москвѣ восточнымъ архипастырямъ: Макарію, патріарху антіохійскому, и другимъ—съ вопросомъ, какими перстами слѣдуетъ изображать крестное знаменіе. Нѣтъ сомнѣнія, что

(1) Прав. Собес. 1858 г. кн. 2 стр., 587, 592, и 597—598.

враждебно-хульное отношеніе къ троеперстію ревнителей двуперстія было болѣе или менѣе извѣстно восточнымъ святителямъ изъ устныхъ бесѣдъ съ Никономъ и другими московскими властями. Никонъ впрочемъ не скрылъ этого печальнаго обстоятельства и въ самомъ письменномъ вопросѣ своемъ, посланномъ Макарію антіохійскому, Гавріилу сербскому и др., онъ прямо заявилъ, что «нѣцыи воздвизаютъ прю» относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Понятно, что, въ виду указаннаго отношенія къ православному перстосложенію ревнителей двуперстія, восточнымъ святителямъ, знавшимъ (1) епистолію константинопольскаго патріарха Паисія, уполномочившаго Никона отлучить непокорныхъ отъ церкви, не оставалось ничего болѣе, какъ дать тотъ именно отвѣтъ, который, по видимому, такъ смущаетъ г. Филиппова. Проклятіе, изреченное восточными іерархами на нежелавшихъ принять троеперстіе, было положено ими не за употребленіе двуперстія, а за то, что двуперстники относились къ троеперстію, какъ къ ереси и печати антихристовой, и изъ-за него не хотѣли быть въ союзѣ съ церковію. Безъ всякаго сомнѣнія и соборъ 1656 года, изрекая свою клятву (2) на «непокоривыхъ» (3), имѣлъ въ виду не просто ревнителей двуперстія, а тѣхъ изъ нихъ, кои употребляли двуперстіе—потому, что считали его за «истину»,

(1) Истор. русск. раск. стр. 152.

(2) Не излишне замѣтить, что на соборѣ 1656 года со всею обстоятельностію были объяснены Никономъ какъ причины, заставившія нашего патріарха замѣнить двуперстіе троеперстіемъ, такъ и преимущество по смыслу и всеобдержности послѣдняго предъ первымъ, и затѣмъ уже постановлено: «аще кто отселѣ вѣдый не повинится»...

(3) Жезл. правл. л. 60 об.

и не принимали троеперстія—потому, что видѣли въ немъ ересь, печать антихристову, т. е. тѣхъ ревнителей старины, которые, скажу словами г. Филиппова, «свой прежній обрядъ противупоставляли новоисправленному, какъ единственно православный—погрѣшительному, и изъ-за обрядовой разности стали удаляться отъ церковнаго общенія и хулить іерархію, церковь и ея святыню, и такимъ образомъ проявили въ своихъ дѣйствіяхъ очевидныя «знаменія ереси и раздора», и о которыхъ еще задолго до собора 1666—7 года одинъ изъ друзей Аввакума, убѣждая протопопа оставить двуперстіе, писалъ слѣдующее: «недостоитъ намъ, господине, нынѣшнее многихъ неразумѣніе смотрѣти, яко нѣціи, не вѣмъ чего ради, въ церкви не входятъ, и служебники исправленные отрицаютъ, и крестное воображеніе въ сложеніи перстъ пререкуютъ и, спроста рещи, всѣхъ исправленныхъ нынѣ церковныхъ догматъ, иже толикими лѣты была испорушены, себе и слушающихъ ихъ не пріимати учатъ, иже тольма во глубину неразумія падоша, яко мнози отъ нихъ буйствомъ своимъ въ противленіи истинѣ, кромѣ святыни исповѣданія и св. пречистыхъ Христовыхъ причащенія, умроша, и Богъ единъ вѣсть, что имать творити съ ними въ день суда» (1). Значитъ, замѣчаніе г. Филиппова о томъ, что «отмѣнить постановленіе 23-го апрѣля 1656 года соборъ 1667 года могъ», —справедливо; но также справедливо и то, что собору 1667 года, — даже и въ томъ случаѣ, если-бы Макарій, патріархъ антіохійскій и Григорій, митрополитъ никейскій, присутствовавшіе на этомъ соборѣ,

(1) Прав. Собес. 1858 г. кн. 2, стр. 597—8.

были и на соборѣ 1656 года, что̀ несправедливо утверждаетъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія,— не было нужды отмѣнять опредѣленіе собора 1656 г.; такъ какъ между соборнымъ постановленіемъ 13-го мая 1667 года и опредѣленіемъ собора 1656 года, если то и другое разсматривать въ связи съ обстоятельствами, ихъ вызвавшими, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія.

Между «постановленіями церковной власти времени послѣдующаго», на которыя г. Филипповъ счелъ возможнымъ указать (26 февраля), въ подтвержденіе своего взгляда на значеніе соборной клятвы 1667 года, первое мѣсто занимаетъ «Чинъ, како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», изданный, по повелѣнію Петра I, въ 1720 году. 28-го марта прошлаго года почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія еще допускалъ «возможность двойственнаго истолкованія требованій» ([1]) этого чина, т. е. соглашался, что проклятія, какія долженъ былъ произносить, на основаніи чина, присоединяемый къ церкви раскольникъ, можно понимать и такъ, какъ я ихъ понимаю. 26-го февраля настоящаго года г. Филипповъ, уже не колеблясь, утверждалъ предъ вами, что «клятвенными формулами чина требовалось проклятіе двуперстія и другихъ обрядовъ безъ всякихъ условій». Что же убѣдило г. Филиппова въ томъ, что проклятія чина положены были на ревнителей старины не за хулы ихъ на обряды православія, а просто за употребленіе ими стараго обряда? Убѣдила въ этомъ моего почтеннаго противника книга, въ которой напечатанъ чинъ 1720 года, ко-

([1]) Сборн. протокол. стр. 299.

торой почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія не видѣлъ до послѣдняго времени и которую наконецъ ему удалось, при помощи добрыхъ людей, получить, хотя впрочемъ только въ «копіи». Перелистывая эту книгу, г. Филипповъ замѣтилъ, что а., она «состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая называется: «Чинъ, како пріимати...», а другая носитъ названіе: «исповѣданіе клятвенное раскольщикомъ въ познаніе ихъ укрывательства», и б., что въ этой второй части клятвенныя формулы изложены въ такомъ видѣ: а., «проклинаю всѣхъ, иже не крестятся тремя персты, но крестятся двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, и прочихъ учатъ творити тако, да будутъ прокляти и анаѳема; б., проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ глаголютъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, и прочіихъ учатъ творити тако, да будутъ прокляти и анаѳема». Сдѣлавши такое открытіе, г. Филипповъ прежде всего упрекнулъ меня за то, что я «ни разу не проговорился (1) предъ вами», что книга, въ которой напечатанъ чинъ, состоитъ изъ двухъ частей и что во второй ея части находятся вышеприведенныя проклятія, а «постоянно приводилъ изъ этого изданія только такого рода клятвенныя формулы, изъ которыхъ еще нельзя было заключить, что ими требовалось проклятіе двуперстія безъ всякихъ условій, и которымъ можно было придавать смыслъ обоюдный», и за тѣмъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «итакъ, милостивые государи, сомнѣній нѣтъ: новопечатною присягою 1720 года требовалось произнесеніе клятвы на всѣхъ тѣхъ, кото-

(1) Прошу г. Филиппова прочитать 229 стр. февр. кн. Хр. Чтен. за 1874 годъ.

рые крестились двуперстно и сугубили (по псалмѣхъ) аллилуіа, и учили такъ поступать другихъ, т. е. на всѣхъ тѣхъ, которые были бы уличены въ дѣйствіяхъ, нынѣ, съ благословенія св. Синода, разрѣшенныхъ каждому единовѣрцу».

На упрекъ г. Филиппова я отвѣчу коротко: при всемъ желаніи, я рѣшительно не могу понять его смысла. Почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, рѣшившійся познакомить васъ съ своимъ чтеніемъ «о нуждахъ единовѣрія», указалъ, въ подтвержденіе правильности своего взгляда на значеніе соборной клятвы 1667 года, между прочимъ, на «Чинъ принятія въ церковь обращающихся отъ раскола» и привелъ изъ него нѣкоторые пункты (1). Отвѣчая моему почтенному противнику, я старался показать истинный смыслъ тѣхъ именно «отреченій» чина (2), на которые ссылался г. Филипповъ. А между тѣмъ, это обстоятельство почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія ставилъ мнѣ въ вину, жалуясь на меня за то, почему я «ни разу» не заявилъ вамъ, что кромѣ «чина» есть въ книгѣ еще «исповѣданіе клятвенное раскольщиковъ»..., въ которомъ проклятія изложены не въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ «чинѣ», и о которомъ до 26-го февраля г. Филипповъ не упоминалъ ни однимъ словомъ. Ужъ не считаетъ ли себя въ правѣ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія требовать, чтобы противники его не только доказывали ошибочность его взглядовъ, но даже указывали ему книги, изъ которыхъ онъ могъ бы брать доказа-

(1) Такъ сдѣлалъ г. Филипповъ не только 18-го января, но и 28-го марта прошлаго года (Сборн. проток. стр. 215 и 299).

(2) Тамъ же, стр. 250; Хр. Чтен. 1874 г. февр. стр. 189—190.

тельства для своихъ мнѣній? Однимъ словомъ: упрекъ г. Филиппова даже неостроуменъ (1).

Что же касается «клятвенныхъ формулъ», взятыхъ г. Филипповымъ изъ «исповѣданія клятвеннаго»..., то я не отрицаю того, что ими «требовалось проклятіе двуперстника», но рѣшительно не могу допустить того, будто бы произносившій клятвы по «исповѣданію» долженъ былъ проклинать «всякаго двуперстника безъ разбора», что̀ утверждаетъ г. Филипповъ. Дѣло въ томъ, что почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія и въ настоящемъ случаѣ поступилъ такъ же, какъ онъ не разъ дѣлалъ прежде. Изъ «исповѣданія клятвеннаго» онъ взялъ только тѣ клятвенныя формулы, которыя счелъ подходящими къ своему предвзятому взгляду на дѣло, и опустилъ другія, которыя ясно показываютъ, какіе двуперстники проклинаются въ «исповѣданіи клятвенномъ». Прошу достоуважаемыхъ членовъ отыскать 8-й листъ книги, въ которой напечатанъ «Чинъ» 1720 года, и повѣрить, находятся ли тамъ слѣдующія клятвенныя формулы, предшествующія формуламъ, приведеннымъ г. Филипповымъ: «проклинаю всѣхъ тѣхъ, которые святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и неправославнымъ, да будутъ прокляти и анаѳема; проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже православныхъ патріарховъ восточныхъ и московскихъ по Никонѣ, и до сего настоящаго лѣта престолы правящихъ, не исповѣдаютъ быти православными, но паче называютъ раскольщиками и ерети-

(1) Съ г. Филиппова довольно и того, что онъ съ большою свободою пользовался моими статьями—по разсматриваемому нами вопросу, особенно же — статьею о единовѣріи, помѣщенною въ майской книжкѣ Хр. Чтенія за 1870 годъ.

ками, и всѣхъ архіереевъ и до священника такожде называютъ, да будутъ вси прокляти и анаѳема; проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не исповѣдуютъ, яко во святѣй восточнѣй и великороссійской церкви отъ архіереевъ и іереевъ совершается подъ видомъ хлѣба тѣло Христово, и подъ видомъ вина кровь Христова, таковіи да будутъ прокляти и анаѳема; проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не вѣруютъ и не исповѣдуютъ, яко во святѣй восточнѣй и великороссійской церкви отъ архіереевъ и іереевъ совершаются вся святыя седмь тайны, и прочая ихъ церковная дѣйства, таковіи да будутъ прокляти и анаѳема». Вѣроятно, г. Филипповъ не читалъ этихъ клятвенныхъ формулъ; иначе совѣсть не позволила бы ему сказать, что «новопечатною присягою 1720 года требовалось произнесеніе клятвы на всѣхъ тѣхъ, которые были бы уличены въ дѣйствіяхъ, нынѣ, съ благословенія Св. Синода, разрѣшенныхъ каждому единовѣрцу». Или, быть можетъ, почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, говоря это, имѣлъ въ виду тѣхъ «честныхъ» единовѣрцевъ, которые, считаясь сынами церкви, въ то же время пребываніе свое въ единовѣріи уподобляютъ пребыванію «въ помойной ямѣ» и не только не заботятся о присоединеніи къ единовѣрію старообрядцевъ, напротивъ, стараются отклонять ихъ отъ этого (1)? Въ такомъ случаѣ спорить съ нимъ я не стану.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ: если и въ «исповѣданіи клятвенномъ» такъ же, какъ и въ «Чинѣ», проклинались не всякіе двуперстники безъ разбора, но только тѣ изъ нихъ, которые, содержа

(1) Хр. Чт. 1870 г. ч. I, стр. 283.

двуперстіе и прочіе старые обряды, въ тоже время считали еретическою не только церковь русскую, но и греческую, всѣхъ архіереевъ и священниковъ называли еретиками и не признавали святости совершаемыхъ ими таинствъ, т. е. были, по выраженію «исповѣданія клятвеннаго», дѣйствительные «противники и раскольщики» (л. 8 об.); то почему нѣкоторыя клятвенныя формулы «исповѣданія клятвеннаго» изложены не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ «Чинѣ»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ находящееся на оборотѣ выходнаго листа «вѣдѣніе ко священникомъ», въ которомъ говорится слѣдующее: «должно вамъ, о іереи, пастыріе словесныхъ овецъ, пришедшу исповѣдати предъ вами грѣхи своя, да повелѣваете напредъ читати святый символъ вѣры, потомъ и ниже учрежденныя члены вся по чину ихъ до конца. Невѣдящему же писанія, сами да читаете, а слышай словесемъ вашимъ словесно да послѣдуетъ. Аще же который іерей о семъ пренебрежетъ, той будетъ подлежати церковному наказанію и лишенію священства». Изъ этихъ словъ не трудно понять, почему въ «исповѣданіи клятвенномъ» было напр. сказано: «проклинаю всѣхъ, иже нынѣ не крестятся тремя первыми персты, но крестятся двумя персты указательнымъ и среднимъ», между тѣмъ какъ въ «Чинѣ» было положено: «проклинаю сложеніе тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихристовою нарицающихъ и не знаменующихся тремя первыми персты, но двѣма указательнымъ и среднимъ». «Исповѣданіе клятвенное» имѣло свое спеціальное назначеніе, отличное отъ того, какое имѣлъ «Чинъ». Клятвы по «исповѣданію клятвенному» должны были

читать во время исповѣди не раскольники незаписные, какъ думаетъ г. Филипповъ, а всѣ православные,—для того, чтобы священникъ могъ узнать, не держится ли кто либо изъ нихъ тайно раскола. По моему мнѣнію, власть поступила весьма благоразумно, когда въ «исповѣданіи клятвенномъ», которое должны были читать, или слушать, лица православныя—мужчины, женщины и даже дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста (1), опустила тѣ хулы на обряды православія, которыя были изложены въ «Чинѣ» и были хорошо извѣстны присоединявшимся къ церкви раскольникамъ, но о которыхъ многіе изъ православныхъ могли и не слыхать отъ рожденія своего,—опустила, чтобы не смущать ими совѣсти людей, искренно чтившихъ обряды православія. Можно указать и другую причину. «Исповѣданіе клятвенное» составлено, какъ видно, по мысли Питирима нижегородскаго и почти буквально сходно съ тѣмъ «проектомъ клятвы раскольщика», который помѣщенъ во 2-мъ томѣ раскольничьихъ дѣлъ г. Есипова (2), — съ тѣмъ различіемъ, что «исповѣданіе клятвенное» священники должны были читать не «раскольщикамъ, укрывающимся по согласію съ попомъ церковнымъ», а всѣмъ православнымъ, и не «предъ часами», а на исповѣди. Но такъ какъ въ «проэктѣ» Питирима проклятія на употребляющихъ двуперстіе и сугубую аллилуію были изложены безъ упоминанія о тѣхъ хулахъ, какія произносили раскольники ватроеперстіе и трегубую аллилуію, то и въ «исповѣданіе клятвенное» они вошли въ томъ же видѣ (3).

(1) Полн. Собр. пост. т. 2, стр. 102 и 106.

(2) Прилож. стр. 215—17.

(3) А что у Питирима не было мысли, при составленіи «проекта»,—

Объ извѣстныхъ уже вамъ донесеніяхъ Синоду Златоустовскаго архимандрита Антонія, бывшаго судьею въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, и объ отвѣтахъ на нихъ Св. Синода, я не стану говорить. Г. Филип-

---

заставить проклинать «всѣхъ двуперстниковъ безъ разбора», это видно изъ того, что одновременно съ проектомъ онъ предлагалъ Петру I «отъ церкви не отлучать всякихъ таинъ соединеніемъ» тѣхъ, кои крестились двумя перстами и въ тоже время во всемъ повиновались церкви (Есип. т. 2. Прилож. стр. 214). Не излишне здѣсь замѣтить и слѣдующее. На вопросъ раскольниковъ: «аще кій человѣкъ крещенъ сый отъ священниковъ (которыя священницы у насъ дѣйствуютъ вся по старопечатнымъ святымъ книгамъ) и таковый аще пріидетъ къ вамъ въ соединеніе, како таковаго пріемлете, по косму чину: съ проклятіемъ ли ересей, или просто безъ проклятія: и аще съ проклятіемъ, то кія и колико ересей проклинаете, объяви намъ о семъ по статьямъ»,—Питиримъ отвѣчалъ слѣдующее: «отъ проклятыхъ отступниковъ отъ поповъ вашихъ крещеннаго, егда къ нашей великороссійской церкви отъ вашего злаго противническаго мудрованія обратится кто, таковаго пріемлемъ сице: первое повелимъ ему проклинати *прежнихъ проклятыхъ* отступниковъ, Аввакума, Лазаря, Никиту бывшаго попа, Ѳедора бывшаго діакона, и всѣхъ, которіи тогда были съ нимъ во единомысліи (вотъ на кого изречена была соборная клятва 1667 года) и до нынѣ: всѣхъ васъ поповщину и безпоповщину, которіи тѣмъ проклятымъ послѣдуютъ, и церкви святѣй противятся и хулятъ ю, и всѣхъ святыхъ таинъ ея непріемлющихъ, и ея пастыремъ непокаряющихся, и восточную церковь и таинства ея и пастырей ея исповѣдующихъ неправославіемъ, новоисправныя книги хулящихъ, святѣйшаго патріарха Никона гаждающихъ, и таковыхъ хульниковъ и ученіе ихъ развратное и всѣхъ поповъ вашихъ и прочая симъ подобныя вся проклянетъ. Потомъ обѣщается восточнѣй и великороссійской церкви и ея пастыремъ во всемъ быти послушенъ: и вся святая таинства пріимати съ вѣрою и надеждою, яко тая вся сущая святая, и въ наше спасеніе суть несомнѣнно. И по таковомъ его проклинаніи и исповѣданіи, исповѣдавъ его о всѣхъ его грѣсѣхъ, помазуемъ святымъ муромъ» (Пращиц. вопр. и отв. 169). О проклятіи двуперстниковъ и под. Питиримъ не говоритъ ни слова; а между тѣмъ «Пращица», въ которой находится вышеприведенный отвѣтъ его, издана въ свѣтъ въ 1721 и затѣмъ—второй разъ—въ 1726 году, по благословенію св. Синода. Пусть г. Филипповъ поразмыслитъ объ этомъ обстоятельствѣ, и я увѣренъ, что онъ откажется отъ своего взгляда на смыслъ проклятій, находящихся въ изданномъ въ 1720 году «Чинѣ» присоединенія раскольниковъ къ церкви.

повъ 26-го февраля настоящаго года не представилъ ни одного замѣчанія противъ тѣхъ моихъ объясненій, которыя я высказалъ въ засѣданіи 4-го декабря прошлаго года, по поводу указанныхъ «твердыхъ» доводовъ, и только съ настойчивостію (1) повторялъ то, что̀ мы слышали отъ него 28-го марта прошлаго года. Впрочемъ, объ указѣ Св. Синода 15-го мая 1722 года г. Филипповъ сообщилъ 26-го февраля и кое-что новое. Онъ сознался, что «въ тѣхъ немногихъ словахъ», которыми 28-го марта прошлаго года почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія доказывалъ, что мои разсужденія объ указѣ Синода 15-го мая 1722 года напомнили ему «исторію съ дядей Акимомъ, искавшимъ своихъ рукавицъ, которыя у него за поясомъ» (2),—имъ допущены «двѣ ошибки и одна неточность» и что указъ 15-го мая 1722 года, который г. Филипповъ 18-го января прошлаго года называлъ синодскимъ, а 28-го марта того же года—высочайшимъ, есть дѣйствительно синодскій указъ; при чемъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія замѣтилъ: «ошибки эти, не измѣняя ни въ одной іотѣ моихъ выводовъ, несомнѣнно обличаютъ недостаточность моихъ познаній въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ Св. Синода, не совсѣмъ извинительную для бывшаго чиновника духовнаго вѣдомства. По долгу совѣсти я признаю г. Нильскаго въ этомъ собственно пунктѣ своимъ побѣдителемъ». Такимъ образомъ г. Филипповъ, сознавшись въ своихъ ошибкахъ, не только не повинился въ томъ, что 28-го

(1) напомнившею мнѣ бывшій еще въ XVII столѣтіи споръ, который тянулся цѣлый годъ и о которомъ желающіе могутъ узнать изъ 2-го тома Раскольничьихъ дѣлъ г. Есипова, стр. 226—7.

(2) Сборн. проток., стр. 308.

марта прошлаго года несправедливо обозвалъ меня именемъ, которое, какъ это видно изъ его разсужденій о книгѣ «Жезлъ», болѣе идетъ къ нему самому, но еще съумѣлъ съострить надъ моимъ знаніемъ канцелярскаго дѣлопроизводства Св. Синода. Такая находчивость почтеннаго противника моего мнѣ даже нравится.

Еще находчивѣе, чтобы не сказать больше, поступилъ г. Филипповъ при разборѣ моихъ замѣтокъ о Θеофилактѣ Лопатинскомъ и его «Обличеніи» (1). Не имѣя смѣлости отвергнуть того, что, по мнѣнію Θеофилакта, клятва въ «Чинѣ» 1720 года положена была на двуперстниковъ не за употребленіе ими двуперстія, а за хулы ихъ на церковь, и что если бы лица, употреблявшіе двуперстіе, не хулили безмѣрно церкви православной, они «не были бы клятвы достойны и раскольническаго имени», почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія утверждалъ однако же предъ вами, что «Св. Синодъ не раздѣлялъ такого воззрѣнія на предметъ». Изъ чего же это видно? Вѣроятно, изъ того, что на выходномъ листѣ лежавшей предъ вами книги Θеофилакта сказано, что она напечатана «благословеніемъ Св. Правительствующаго Синода», о чемъ г. Филипповъ благоразумно умолчалъ. Я вынужденъ сказать, что почтенный противникъ мой, кромѣ остроумія, владѣетъ еще способностію публично говорить неправду, не краснѣя (2).

---

(1) Сборн. проток., стр. 267—8; Хр. Чт. 1874 г. февр., стр. 200—1, примѣч.

(2) Кстати: не излишне замѣтить, что въ «Обличеніи» Θеофилакта Лопатинскаго находятся нѣкоторыя изъ тѣхъ жестокословныхъ порицаній на двуперстіе (Истина, кн. XXVIII, л. 64), въ которыхъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія старается найти подтвержденіе

Что же касается замѣчанія г. Филиппова о томъ, будто бы своими объясненіями указа 15 го мая 1722 года я хочу доказать, что «Св. Синодъ временъ Петра, по принужденію государя, сдѣлалъ такое постановленіе, по которому за двуперстіе писались въ расколѣ люди, *самимъ синодомъ признаваемые за православныхъ*, и писались собственно для того, чтобы въ казну императора, нуждавшагося въ деньгахъ для своихъ преобразованій, шло больше подушной подати»; то мнѣ остается только подивиться вышеуказанной способности почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія и привести дословно слѣдующія слова моей рѣчи 4-го декабря прошлаго года: «Синодъ, опредѣляя всѣхъ, крестившихся двумя перстами, записывать въ расколъ, имѣлъ при этомъ въ виду не то, чтобы *всѣхъ* двуперстниковъ, изъ которыхъ многіе могли быть «по всему прочему» православными, заставить платить двойной окладъ и такимъ образомъ увеличить сборъ этого оклада, а то, чтобы не позволить уклоняться отъ уплаты двойнаго оклада ни одному раскольнику,—даже и такому, который притворно выдавалъ себя за православнаго, но не могъ только разстаться съ своимъ «главнымъ догматомъ»—двуперстіемъ. Такимъ образомъ, цѣль, которую преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ Синодъ, была указана ему свѣтскою властію, и осуждать за нее (цѣль) церковную власть было бы не-

своему взгляду на соборную клятву 13-го мая 1667 года, изреченную будто бы на содержаніе стараго обряда; а между тѣмъ въ томъ же «Обличеніи», по сознанію самого г. Филиппова, говорится, что «проклятіе и отлученіе положено на раскольниковъ не за употребленіе двуперстія и т. п., а за хулы на церковь и отчужденіе отъ нея». Любопытно бы узнать, какъ объяснитъ г. Филипповъ это, по всей вѣроятности, незамѣченное имъ, обстоятельство.

справедливо; можно только признать не вполнѣ пригоднымъ избранное Синодомъ средство къ достиженію этой цѣли» (1).

Наконецъ г. Филипповъ утверждалъ предъ вами, будто бы моими объясненіями указа 15-го мая 1722 года, если бы они были справедливы, «русской церкви былъ бы подписанъ окончательный приговоръ, который, по строгости своей, превзошелъ бы всѣ извѣстные намъ отзывы о ней нынѣ клевещущихъ на насъ западно-европейскихъ еретиковъ. Съ Петра и Ѳеофана, продолжалъ почтенный противникъ мой, будетъ и дѣйствительно лежащихъ на нихъ тяжкихъ грѣховъ противъ церкви... Къ чему же еще обременять ихъ память усвоеніемъ имъ такихъ вопіющихъ на небо преступленій, въ коихъ они, къ нашему счастію, нимало неповинны»? Г. Филипповъ, вѣроятно, не сообразилъ, что, начиная рѣчь о Петрѣ и Ѳеофанѣ, онъ уже тѣмъ самымъ снималъ «окончательный приговоръ» съ русской церкви; Петръ, хотя онъ и велѣлъ называть себя «крайнимъ судіею духовной коллегіи», и Ѳеофанъ, хотя онъ былъ вице-президентомъ той же коллегіи, не составляли русской церкви, и потому ошибки ихъ ставить въ вину русской церкви могутъ... только раскольники, которые, какъ извѣстно, грѣхи даже частныхъ лицъ православной церкви приписываютъ самой церкви. Что же касается мысли г. Филиппова, будто бы объяснять происхожденіе указа 15-го мая 1722 года такъ, какъ объясняю его я, значитъ, «обременять память» Петра и Ѳеофана усвоеніемъ имъ преступленій, въ которыхъ они неповинны; то почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, кажется, не замѣчаетъ,

(1) Хр. Чт. 1874 г., февр., стр. 227—8.

что и самъ онъ не особенно дорожитъ «памятью» указанныхъ лицъ, утверждая, будто бы Петръ,—который въ 1702 году объявилъ, что, «по дарованной отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей» (1), въ 1705 году даровалъ раскольникамъ Выговской пустыни «свободу жити въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправляти» (2), въ указахъ о двойномъ окладѣ постоянно заявлялъ, что раскольники могутъ безъ всякаго страха и сомнѣнія «быть въ раскольнической прелести», если «похотятъ», лишь бы платили двойной окладъ, или—могутъ «вѣровать, чему хотятъ», и Ѳеофанъ, который считалъ пустяками вещи болѣе важныя, чѣмъ содержимые раскольниками обряды, находили невозможнымъ общеніе съ церковію лицъ, крестившихся двумя перстами, и велѣли записывать ихъ въ расколъ *единственно за двуперстіе*.

Разсмотрѣнныя мною историческія данныя, которыми г. Филипповъ въ засѣданіи 26-го февраля настоящаго года подтверждалъ свой взглядъ на значеніе соборной клятвы 1667 года, почтенный противникъ мой считаетъ «важнѣйшими». Поэтому, надѣюсь, вы позволите мнѣ не останавливаться на тѣхъ «доводахъ» почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія, которые онъ приводилъ въ защиту своей мысли *послѣ* ссылки на указъ 15-го мая 1722 года и которые самъ считаетъ «второстепенными». Я разумѣю въ этомъ случаѣ указаніе г. Филиппова на пріемы нашихъ полемическихъ пи-

(1) Полн. собр. зак. т. IV, № 1910.
(2) Ист. Выг. пуст. стр. 114

сателей—до Екатерины II-й и на мнѣнія о соборной клятвѣ 1667 года инока Никодима, московскихъ старообрядцевъ 1799 года, большинства московскаго духовенства временъ митрополита Платона и нѣкоторыхъ ученыхъ писателей новѣйшаго времени, не исключая и меня. Говоря обо всемъ этомъ 26-го февраля, г. Филипповъ повторялъ только то, что̀ вы слышали отъ него 18-го января и 28-го марта прошлаго года (1) и на что́ я уже отвѣчалъ 25-го февраля (2) и особенно 4-го декабря того же года (3). Одна только замѣтка г. Филиппова заслуживаетъ, по моему мнѣнію, объясненія. Возобновивъ рѣчь о пріемахъ нашихъ полемическихъ писателей до Екатерины II-й (28-го марта 1873 года г. Филипповъ объ этомъ предметѣ не сказалъ ни слова), почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія къ сказанному имъ 18-го января прошлаго года прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: «возлагать отвѣтственность за эти порицанія (т. е. находящіяся въ полемическихъ сочиненіяхъ) только на однихъ писателей, ихъ произносившихъ, отстраняя отъ нея церковную власть, было бы несправедливо: такъ какъ, во 1-хъ, произведенія нашихъ полемическихъ писателей издавались по повелѣнію государей и по благословенію духовной власти, которая не пропустила бы въ печать ни одного изъ сихъ ругательствъ, если бы они не соотвѣтствовали ея собственнымъ воззрѣніямъ на предметъ; во 2-хъ, эти ругательства печатались, какъ извѣстно, и въ богослужебныхъ книгахъ, исходившихъ уже прямо отъ ли-

(1) Сборн. проток. стр. 217—218, 314—319.

(2) Тамъ же, стр. 270—1.

(3) Хр. Чт. 1874 г. февр., стр. 162 — 164, 243—246;—март., стр. 357—366.

ца нашей церковной власти». Если бы все это сказалъ раскольникъ, который въ ошибкѣ каждой печатной книги, изданной съ разрѣшенія духовной цензуры, видитъ заблужденіе самой церкви,—я понялъ бы его; но въ устахъ г. Филиппова,—знающаго напр., что наша церковная власть всегда признавала исключительную правильность погружательнаго обряда крещенія и что, не смотря на это, сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, подъ названіемъ: «Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ», въ которомъ, по словамъ г. Филиппова, находится «невѣжественное изъясненіе не только противнаго древнему преданію церкви и вселенскимъ постановленіямъ, но и извращающаго явственное и для всѣхъ внятное значеніе символа погруженія», было напечатано въ 1724 году «повелѣніемъ императорскаго священнѣйшаго величества Петра Великаго, отца отечества, императора и самодержца всероссійскаго, благословеніемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода»,— такія рѣчи кажутся, по меньшей мѣрѣ, странными. Или г. Филиппов забылъ, что Петръ I не для шутки назвалъ себя «*крайнимъ* судіею духовной коллегіи» и что послѣ Петра на «новопишемыя книги дѣйствительно настали тяжкія цензуры« (1), только—не ко благу и свободѣ русской церкви и русской церковной власти?

Въ заключеніе прошу позволенія сказать нѣсколько словъ о заявленіи г. Филиппова, которымъ онъ заключилъ свое чтеніе 13-го марта и которое касается лично меня (2).

(1) Опис. докум. и дѣл. Св. Синода, т. I, стр. 483.

(2) Въ чтеніи 13-го марта г. Филипповъ возражалъ преимущественно

Чтобы показать, на сколько справедливо взведенное на меня моимъ противникомъ тяжкое обвиненіе,

---

о. І. В. Васильеву. Обо мнѣ онъ замѣтилъ только слѣдующее: а) будто бы 4-го декабря я утверждалъ, что «соборнымъ опредѣленіемъ 13-го мая 1667 года употребленіе дониконовскаго обряда было воспрещено *безусловно* только безъ клятвы», причемъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія старался доказать, по поводу 3-го своего положенія, что ему несправедливо приписана мысль, будто бы церковь, разрѣшая то, что нѣкогда она сама воспрещала, впадаетъ въ *противорѣчіе* съ собою»,— мысль, которую приписывалъ г. Филиппову и я (Сборн. проток. стр. 241, 245 и 272); б) будто бы я возражалъ противъ мысли г. Филиппова о созваніи собора для пересмотра соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 года, «ибо четвертостію вселенскихъ патріарховъ исполненіе имѣлъ», при чемъ почтенный противникъ мой замѣтилъ: «на возраженія г. Нильскаго какъ-то жалко поднимать руку и я оставляю ихъ умирать собственною смертію» (Гражд. № 16, стр. 454—5). Вотъ мои краткіе отвѣты на эти замѣчанія: а) пусть почтенный противникъ мой укажетъ въ рѣчи моей 4-го декабря, уже напечатанной, страницу, на которой я утверждалъ, что соборъ 1667 года запретилъ употребленіе стараго обряда *безусловно*, и притомъ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это слово г. Филипповъ, и я за одно это признаю его героемъ-побѣдителемъ; между тѣмъ я могу указать ему страницы, на которыхъ сказано мною совершенно противное тому, что приписываетъ мнѣ любимецъ Аѳины (Хр. Чт. 1874 г. февр. стр. 173 — 5); б) въ чтеніи 18-го января (Сборн. проток. стр. 204) г. Филиппов говорилъ, что при учрежденіи единовѣрія «пришлось по неволѣ остановиться на такой условной и половинной мѣрѣ, которая не такъ рѣзко *противорѣчила бы* никѣмъ не отмѣненному соборному опредѣленію» (1667 г.),—а въ чтеніи 13-го марта настоящаго года, т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, вопреки мнѣнію моему и другихъ его противниковъ, старался доказать, что онъ въ третьемъ своемъ положеніи говоритъ только о несогласіи, а не о противорѣчіи 16 правилъ 1800 года—о единовѣріи смыслу соборнаго опредѣленія 1667 года, г. Филиппов уже прямо утверждалъ, что «*противорѣчіе* правилъ митрополита Платона соборному опредѣленію 13-го мая 1667 года вяжетъ не только единовѣрцевъ, но и насъ самихъ» (Гражд. № 16, стр. 455); в) въ концѣ своей рѣчи 25-го февраля прошлаго года я прямо сказалъ слѣдующее: «что касается вашей главной и, если позволите выразиться, задней мысли, ради которой собственно вы и вели длинную рѣчь «О нуждахъ единовѣрія» и которая находится въ 5 положеніи, то я не прочь раздѣлить ее вмѣстѣ съ вами, только не по тѣмъ побужденіямъ, на которыя вы указываете, т. е. не потому, что будто бы позволеніе

считаю долгомъ кратко изложить предъ вами (на основаніи протоколовъ Общества и другихъ данныхъ) ходъ моихъ преній съ г. Филипповымъ, изъ котораго ясно откроется, имѣлъ ли почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія право обижаться моими замѣчаніями, высказанными мною 4-го декабря прошлаго года.

Приготовляясь читать въ вашемъ собраніи свое разсужденіе о «нуждахъ единовѣрія», г. Филипповъ обратился, по его собственнымъ словамъ, къ Совѣту Общества съ просьбою пригласить меня въ предстоявшее засѣданіе хотя гостемъ, такъ какъ предполагалъ услышать отъ меня «самыя сильныя возраженія противъ тѣхъ его положеній, которыя могли оказаться ошибочными» (1). Обстоятельства, о которыхъ я не

единовѣрцамъ употреблять старые обряды находится въ противорѣчіи съ постановленіемъ собора 1667 года,—я не признаю этого противорѣчія,—а потому, что клятва собора 1667 года понимается неправильно старообрядцами, многими изъ единовѣрцевъ и, какъ оказывается, нѣкоторыми даже православными, смущаетъ тѣхъ и другихъ и, можетъ быть, служитъ главной причиной того, что успѣхи единовѣрія доселѣ слишкомъ слабы» (Сборн. проток. стр. 272); тоже повторилъ я и 4-го декабря прошлаго года (Хр. Чт. 1874 г. март., стр. 366); г) наконецъ, что касается той моей мысли, которую г. Филипповъ оставилъ умирать собственною смертію, то я отлично понимаю, почему почтенному защитнику нуждъ единовѣрія было жалко поднимать на нее руку. Я доказывалъ, что слова: «ниже *четвертостію* вселенскихъ патріарховъ исполненіе имѣлъ», которыя г. Филипповъ относитъ къ собору 1667 г., изрекшему клятву на ревнителей стараго обряда, не имѣютъ къ нему отношенія, такъ какъ на соборѣ 1667 г. 13-го мая было только три патріарха: антіохійскій, александрійскій и московскій, а если брать въ разсчетъ и «мыслодательство» константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ, то—пять, но ничуть—*не четыре*. При встрѣчѣ съ такою мыслію, основанною на обыкновенномъ счетѣ, г. Филиппову, который, какъ я уже говорилъ прежде, держится какого-то особеннаго способа счисленія, не оставалось ничего болѣе, какъ показать свое великодушіе и оставить мою мысль безъ опроверженія.

(1) Сборн. проток. стр. 274.

считаю себя въ правѣ говорить здѣсь, не позволили мнѣ явиться въ то засѣданіе Общества (18-го янв. 1873 г.), когда г. Филипповъ читалъ свое разсужденіе. За то въ слѣдующее засѣданіе (25-го февр. 1873 г.) я счелъ не только долгомъ, но и честію для себя высказать въ высокопочтенномъ собраніи вашемъ тѣ недоумѣнія, какія возбудило во мнѣ разсужденіе г. Филиппова, и представить свои замѣчанія противъ высказанныхъ имъ положеній. И хотя я нашелъ въ разсужденіи г. Филиппова невѣрную постановку возбужденнаго имъ вопроса, односторонность въ пониманіи историческихъ данныхъ и даже тенденціозность въ обращеніи съ нѣкоторыми документами; тѣмъ не менѣе въ своихъ возраженіяхъ я отнесся къ защитнику нуждъ единовѣрія съ полнымъ уваженіемъ, высказалъ г. Филиппову благодарность за возбужденіе имъ важнаго церковно-общественнаго вопроса (1), согласился съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ (2), однимъ словомъ: велъ то «мирное состязаніе», къ которому приглашалъ г. Филиппов всякаго, кто рѣшился бы своими объясненіями содѣйствовать удовлетворительному разрѣшенію спорнаго вопроса (3); только при разборѣ одного доказательства я выразилъ свое удивленіе по поводу небрежности, съ какою г. Филиппов отнесся къ нему (4) и въ которой впослѣдствіи онъ самъ сознался (5).

Казалось бы, на такія возраженія возможны «объясненія» только въ извѣстномъ тонѣ,—въ тонѣ мир-

(1) Сборн. прот., стр. 232.
(2) Тамъ же, стр. 272.
(3) Тамъ же, стр. 205.
(4) Тамъ же, стр. 246.
(5) Тамъ же, стр. 284—5.

номъ, къ которому и обязывалъ г. Филипповъ своихъ противниковъ. И однако же на дѣлѣ оказалось не то. Правило, которое защитникъ нуждъ единовѣрія рекомендовалъ своимъ оппонентамъ, г. Филипповъ не счелъ обязательнымъ для себя. Въ своихъ «объясненіяхъ», читанныхъ въ засѣданіи 28-го марта прошлаго года, г. Филипповъ, не довольствуясь любезностями въ родѣ того, что будто бы я въ своей рѣчи 25-го февраля извращалъ его мысли, неумѣло и неточно выражалъ свои, невѣрно приводилъ одни факты (1), намѣренно уклонялся отъ другихъ, опровергающихъ мой взглядъ на разсматриваемый предметъ (2), противорѣчилъ себѣ (3), читалъ документы безъ вниманія и не до конца (4) и своими изслѣдованіями напомнилъ ему исторію съ дядей Акимомъ, искавшимъ своихъ рукавицъ, которыя были у него за поясомъ (5),—позволилъ себѣ высказать еще слѣдующія—уже чисто нравственнаго характера — обвиненія противъ меня, будто бы я въ полемикѣ съ нимъ ищу «не истины», а чего-то другаго (6), будто бы «въ пылу защиты церковной власти я взвелъ на нее такое обвиненіе, которому, по тягости, едва ли можно пріискать другое, равное» (7) и будто бы, наконецъ, мои разсужденія по вопросу о клятвѣ собора 1667 года могутъ «не устранить, а только усилить смущеніе единовѣрцевъ» (8).

---

(1) Сборн. прог., стр. 276.
(2) Тамъ же, стр. 287.
(3) Тамъ же, стр. 318.
(4) Тамъ же, стр. 292 и 294.
(5) Тамъ же, стр. 308.
(6) Тамъ же, стр. 306.
(7) Тамъ же, стр. 309 и 280.
(8) Тамъ же, стр. 318.

Предоставляю каждому оцѣнить нравственное значеніе такого отвѣта г. Филиппова на мою рѣчь, сказанную мною 25-го февраля прошлаго года.

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Прежде, чѣмъ «объясненія» г. Филиппова появились въ печати, т. е. прежде, чѣмъ я могъ не только отвѣтить на нихъ, но даже узнать ихъ содержаніе (1), начинается въ «Гражданинѣ» рядъ статей по вопросу о «нуждахъ единовѣрія», въ которыхъ буквально повторены тѣже самыя обвиненія противъ меня, какія высказаны были г. Филиппомъ въ засѣданіи 28-го марта, только въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ и неприличныхъ, и съ прибавленіемъ того, что для меня въ каждомъ вопросѣ дорога будто бы не истина, а воля начальства, что по своей «умственной и нравственной податливости» я способенъ, при рѣшеніи не только неважнаго вопроса о смыслѣ соборной клятвы 13-го мая 1667 года, но даже вопроса «о богопреданныхъ таинствахъ», сказать *да*, или *нѣтъ*, судя по тому, чего хочетъ власть (2).

Такимъ образомъ за то, что я исполнилъ желаніе г. Филиппова и представилъ свои возраженія противъ тѣхъ его положеній, которыя показались мнѣ ошибочными, почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія взвелъ на меня, въ вашемъ присутствіи, такія обвиненія, которыхъ я, по меньшей мѣрѣ, не ожидалъ отъ него, и за тѣмъ-тѣже самыя обвиненія, съ прибавленіемъ къ нимъ новыхъ, еще болѣе тяжкихъ, повто-

(1) По неизвѣстной мнѣ причинѣ, я не получилъ приглашенія въ засѣданіе Общества 28-го марта, когда г. Филипповъ читалъ свои «объясненія».

(2) Гражд. 1873 г. № 26, стр. 732—3.

рилъ въ одномъ періодическомъ изданіи, такъ сказать, къ свѣдѣнію всей читающей Россіи (¹).

Что оставалось дѣлать мнѣ въ виду такого положенія вещей? Нужно было отвѣчать и показать г. Филиппову, что путь, по которому онъ пошелъ въ полемикѣ со мной, — нехорошій путь, что оружіе, избранное имъ для борьбы со мной,—недостойно дѣла, которое онъ взялся защищать, и притомъ — обоюдуостро. И хотя почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія оскорбленіями, нанесенными мнѣ, лишилъ себя права на мое снисхожденіе къ нему; тѣмъ не менѣе, отвѣчая г. Филиппову 4-го декабря прошлаго года, я, изъ уваженія къ собранію, въ которомъ имѣлъ честь говорить, всячески старался не называть собственными именами тѣ продѣлки моего почтеннаго противника, какія онъ дозволилъ себѣ какъ въ чтеніи 18-го января 1873 года, такъ и въ «объясненіяхъ», читанныхъ 28-го марта того же года. Такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ слѣдовало бы сказать, что г. Филипповъ намѣренно исказилъ историческій памятникъ, или сдѣлалъ подлогъ, подтасовку, я замѣчалъ только, что онъ обращается съ историческими документами «остроумно, ловко, несо-

---

(¹) Хотя только недавно стало извѣстнымъ въ печати (Церковно-Общ. Вѣсти. № 33), что указанныя статьи «Гражданина», безъ подписи автора, въ которыхъ г. Филипповъ величается человѣкомъ, успѣвшимъ «добровольно предпринятымъ долговременнымъ и прилежнымъ изслѣдованіемъ источниковъ православнаго ученія «дойдти до болѣе чистыхъ и свободныхъ возрѣній, чѣмъ какими владѣютъ ратующіе «за рабство вѣрующей совѣсти, какъ бы по чьей-то командѣ, ученые представители петербургской духовной академіи» (Гражд. 1873 г. № 25, стр. 721),—писаны самимъ г. Филипповымъ; тѣмъ не менѣе многіе члены Общества знали объ этомъ еще въ началѣ сентября прошлаго года.

лидно (1), съ поэтическою вольностію» (2) и под. Только въ концѣ рѣчи я позволилъ себѣ указать вамъ на тотъ странный разладъ между словомъ и дѣломъ въ изслѣдованіи г. Филиппова, который невольно бросается въ глаза и вслѣдствіе котораго почтенный защитникъ нуждъ единовѣрія, не намѣренно и неожиданно для себя, является преслѣдующимъ какъ будто другія, чуждыя единовѣрію, цѣли (3).

Г. Филипповъ заявилъ, что будто бы я *собиралъ свѣдѣнія* о томъ, какое впечатлѣніе производятъ на раскольничью среду его чтенія. Если бы и такъ было дѣло,—и въ такомъ случаѣ нельзя осуждать меня за это; по своему служебному положенію, я обязанъ знать все, что происходитъ въ указанной средѣ. Между тѣмъ объ «успѣхѣ» чтеній почтеннаго защитника нуждъ единовѣрія среди раскольниковъ было печатно заявлено еще прежде, чѣмъ я отвѣчалъ г. Филиппову. Въ годичномъ собраніи московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія (23 сент. 1873 г.), одинъ изъ членовъ прямо заявилъ, что «№№ Правительственнаго Вѣстника, съ разсужденіемъ о нуждахъ единовѣрія, пріобрѣтались преимущественно старообрядцами», и что «разсужденія о клятвахъ собора, которымъ будто подверглось двуперстное сложеніе, а тѣмъ болѣе указаніе небывалаго противорѣчія церкви самой себѣ въ учрежденіи единовѣрія..., могутъ поставить старообрядцевъ еще далѣе отъ церкви православной» (4).

---

(1) Хр. Чт. 1874 г. янв., стр. 47, 61 и 67.

(2) Тамъ же, март., стр. 353.

(3) При этомъ дословно былъ прочитанъ конецъ рѣчи 4-го декабря.

(4) См. въ «Год. собр. Общ. люб. дух. просв.» чтеніе свящ. І. Виноградова, стр. 2 и 6.

Послѣ всего сказаннаго предоставляю вашему просвѣщенному безпристрастію рѣшить, имѣлъ ли г. Филипповъ право взвести на меня то обвиненіе, которымъ онъ заключилъ свое чтеніе 13-го марта. Съ своей стороны считаю долгомъ прибавить слѣдующее: хотя надеждамъ моимъ «на мирное состязаніе» съ г. Филипповымъ, съ которыми я ѣхалъ сюда первый разъ, не суждено было исполниться, хотя мнѣ пришлось, благодаря моему противнику, пережить въ истекшій годъ много горькихъ, тяжелыхъ минутъ; тѣмъ не менѣе я нахожу возможнымъ закончить свои пренія съ почтеннымъ защитникомъ нуждъ единовѣрія тѣмъ же словомъ, которымъ началъ ихъ 25-го февраля прошлаго года,—словомъ благодарности г. Филиппову за доставленную имъ мнѣ честь говорить въ вашемъ высокопочтенномъ собраніи о предметѣ, которымъ я занимаюсь уже много лѣтъ. Какъ я говорилъ, вѣренъ ли мой взглядъ на возбужденный г. Филипповымъ вопросъ, основательны ли доказательства, которыми я защищалъ его,— объ этомъ судить не мнѣ. Мнѣ остается только выразить мое искреннее сожалѣніе о томъ, что, вслѣдствіе вызова со стороны г. Филиппова, мои рѣчи своимъ тономъ не всегда соотвѣтствовали достоинству собранія, въ которомъ я имѣлъ честь говорить. Въ этомъ я виновенъ, но, надѣюсь, заслуживаю снисхожденія.

И. Нильскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки